

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЛИЦА:

Александра Николаевна Негина, актриса провинциального театра, молодая девица.

Домна Пантелеевна, мать ее, вдова, совсем простая женщина, лет за 40, была замужем за музыкантом провинциального оркестра.

Князь Ираклий Стратоныч Дулебов, важный барин старого типа, пожилой человек.

Григорий Антоныч Бакин, губернский чиновник на видном месте, лет 30-ти.

Иван Семенович Великатов, очень богатый помещик, владелец отлично устроенных имений и заводов, отставной кавалерист, человек практического ума, ведет себя скромно и сдержанно, постоянно имеет дела с купцами и, видимо, старается подражать их тону и манерам; средних лет.

Петр Егорыч Мелузов, молодой человек, кончивший курс в университете и ожидающий учительского места.

Нина Васильевна Смельская, актриса, постарше Негиной.

Мартын Прокофьевич Нароков, помощник режиссера и бутафор, старик, одет очень прилично, но бедно; манеры хорошего тона.

Действие в губернском городе. В первом действии в квартире актрисы Негиной: налево (от актеров) окно, в глубине, в углу, дверь в переднюю, направо перегородка с дверью в другую комнату; у окна стол, на нем несколько книг и тетрадей; обстановка бедная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Домна Пантелеевна (одна).

Домна Пантелеевна (говорит в окно). Зайди денька через три-четыре; после бенефиста все тебе отдадим! А? Что? О, глухой! Не слышит. Бенефист у нас будет; так после бенефиста все тебе отдадим. Ну, ушел. (Садится.) Что долгую, что долгому! Туда рубль, сюда два... А каков еще сбор будет, кто ж его знает. Вот зимой бенефист брали, всего сорок два с полтиной в очистку-то вышло, да какой-то купец полуумный серьги бирюзовые преподнес... Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни две уж все возьмем. А и триста рублей получишь, нешто их в руках удержишь; все промежу пальцев уйдут, как вода. Нет моей Саше счастья! Содержит себя очень аккуратно, ну, и нет того расположения промежу публики: ни подарков каких особенных, ничего такого, как прочим, которые... ежели... Вот хоть бы князь... ну, что ему стоит! Или вот Иван Семенович Великатов... говорят, сахарные заводы у него не один миллион стоят... Что бы ему головки две прислать; нам бы надолго хватило... Сидят, по уши в деньгах зарывшись, а нет, чтобы бедной девушке помочь. Я уж про купечество и не говорю - с тех что взять! Они и в театр-то не ходят; разве какой уж ошалеет совсем, так его словно ветром туда занесет... так от таких чего ожидать, окромя безобразия.

Входит Нароков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Домна Пантелеевна и Нароков.

Домна Пантелеевна. А, Прокофьевич, здравствуй!

Нароков (мрачно). Здравствуй, Прокофьевна!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Домна Пантелеевна. Я не Прокофьевна, я Пантелеевна, что ты!

Нароков. И я не Прокофьевич, а Мартын Прокофьевич.

Домна Пантелеевна. Ах, извините, господин артист!

Нароков. Коли хотите быть со мной на «ты», так зовите просто Мартыном; все-таки
приличнее. А что такое «Прокофьевич»! Вульгарно, мадам, очень вульгарно!

Домна Пантелеевна. Люди-то мы с тобой, батюшка, маленькие, что нам эти
комplименты разводить.

Нароков. «Маленькие»? Я не маленький человек, извините!

Домна Пантелеевна. Так неужели большой?

Нароков. Большой.

Домна Пантелеевна. Так теперь и будем знать. Зачем же ты, большой человек, к нам,
к маленьким людям, пришел?

Нароков. Так, в этом тоне и будем продолжать, Домна Пантелеевна? Откуда это в вас
озорство такое?

Домна Пантелеевна. Озорство во мне есть, это уж греха нечего таить! Подтрунить
люблю, и чтобы стеснять себя в разговоре с тобой, так я не желаю.

Нароков. Да откуда оно в вас, это озорство-то? От природы или от воспитания?

Домна Пантелеевна. Ах, батюшки, откуда? Ну, откуда... да откуда чему другому-то
быть? Жила всю жизнь в бедности, промежду мещанского сословия: ругань-то каждый
божий день по дому кругом ходила, ни отыху, ни передышки в этом занятии не
было. Ведь не из пансиона я, не с мадамами воспитывалась. В нашем звании только
в том и время проходит, что все промеж себя ругаются. Ведь это у богатых
деликатности разные придуманы.

Нароков. Резон. Понимаю теперь.

Домна Пантелеевна. Так неужто ж со всяким нежничать, всякому, с позволения
сказать... Сказала бы тебе словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому «вы»
говорить?

Нароков. Да, в простонародии все на «ты»...

Домна Пантелеевна. «В простонародии»! Скажите, пожалуйста! А ты что за барин?

Нароков. Я барин, я совсем барин... Ну, давай на «ты», мне это не в диковину.

Домна Пантелеевна. Да какая диковина; обыкновенное дело. В чем же твоя
барственность?

Нароков. Я могу сказать тебе, как Лир: каждый вершок меня – барин. Я человек
образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелеевна. Ты-то?

Нароков. Я-то!

Домна Пантелеевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелеевна. Нет, зачем? Не божись, не надо; я и так поверю. Отчего же ты
шуплером служишь?

Нароков. Я не chou-fleur и не siffleur, мадам, и не суплер даже, а помощник
режиссера. Здешний-то театр был мой. <chou-fleur – цветная капуста (франц.),
siffleur – свистун (франц.)>

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Домна Пантелеевна (с удивлением). Твой? Скажите на милость!

Нароков. Я его пять лет держал, а Гаврюшка-то был у меня писарем, роли переписывал.

Домна Пантелеевна (с большим удивлением). Гаврила Петрович, ампренер здешний?

Нароков. Он самый.

Домна Пантелеевна. Ах ты, горький! Так вот что. Значит, тебе в этом театрашном деле счастья бог не дал, что ли?

Нароков. Счастья! Да я не знал, куда девать счастье-то, вот сколько его было!

Домна Пантелеевна. Отчего ж ты в упадок-то пришел? Пил, должно быть? Куда ж твои деньги девались?

Нароков. Никогда я не пил. Я все свои деньги за счастье-то и заплатил.

Домна Пантелеевна. Да какое ж такое счастье у тебя было?

Нароков. А такое и счастье, что я делал любимое дело. (Задумчиво.) Я люблю театр, люблю искусство, люблю артистов, понимаешь ты? Продал я свое имение, денег получил много и стал антрепренером. А? Разве это не счастье? Снял здешний театр, отдал все заново: декорации, костюмы; собрал хорошую труппу и зажил, как в раю... Есть ли сборы, нет ли, я на это не смотрел, я всем платил большое жалованье аккуратно. Поблаженствовал я так-то пять лет, вижу, что деньги мои под исход; по окончании сезона рассчитал всех артистов, сделал им обед прощальный, поднес каждому по дорогому подарку на память обо мне...

Домна Пантелеевна. Ну, а что ж потом-то?

Нароков. А потом Гаврюшка снял мой театр, а я пошел в службу к нему; платит он мне небольшое жалованье да помаленьку уплачивает за мое обзаведение. Вот и все, милая дама.

Домна Пантелеевна. Тем ты только и кормишься?

Нароков. Ну нет, хлеб-то я себе всегда достану; я уроки даю, в газеты корреспонденции пишу, перевожу; а служу у Гаврюшки, потому что от театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вот я, человек образованный, с тонким вкусом, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждом шагу оскорбляют мое артистическое чувство. (Подойдя к столу.) Что это за книги у вас?

Домна Пантелеевна. Саша учится, к ней учитель ходит.

Нароков. Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелеевна. Студент. Петр Егорыч. Чай, знаешь его?

Нароков. Знаю. Кинжал в грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелеевна. Что больно строго?

Нароков. Без сожаленья.

Домна Пантелеевна. Погоди колоть-то: он жених Сашин.

Нароков (с испугом). Жених?

Домна Пантелеевна. Там еще, конечно, что бог даст, а все-таки женихом зовем. Познакомилась она с ним где-то, ну и стал к нам ходить. Как же его назвать-то? Ну и говоришь, что, мол, жених; а то соседи-то что заговорят! Да и отдам за него, коли место хорошее получит. Где ж женихов-то взять? Вот кабы купец богатый; да хороший-то не возьмет; а которые уж очень-то безобразны, тоже радость не велика. А за него что ж не отдать, парень смиренный, Саша его любит.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Нароков. Любит? Она его любит?

Домна Пантелеевна. Отчего ж его не любить? Что, в самом деле, по театрам-то трепаться молодой девушке! Никакой основательности к жизни получить себе нельзя!

Нароков. И это ты говоришь?

Домна Пантелеевна. Я говорю, и уж давно говорю. Ничего хорошего, кроме дурного.

Нароков. Да ведь твоя дочь талант, она рождена для сцены.

Домна Пантелеевна. Для сцены-то для сцены, это точно, это уж что говорить! Она еще маленькая была, так, бывало, не вытащить ее из театра; стоит за кулисами, вся тряслась. Муж-то мой, отец-то ее, был музыкант, на флейте играл; так, бывало, как он в театр, так и она за ним. Прижмется к кулисе, да и стоит не дышит.

Нароков. Ну, вот видишь. Ей только на сцене и место.

Домна Пантелеевна. Уж куда какое место прекрасное!

Нароков. Да ведь у нее страсть, пойми ты, страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелеевна. Хоща бы и страсть, да хорошего-то в этом нет, похвалить-то нечего. Это вот вам, бездомовым да беспутным.

Нароков. О, невежество! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелеевна. Да ну тебя с кинжалами! У вас путного-то на сцене немного; а я держу свою дочь на замужней линии. Со всех сторон там к ней лезут, да подлипают, да глупости разные в уши шепчут... Вот князь Дулебов повадился, тоже на старости лет ухаживать вздумал... Хорошо это? Как ты скажешь?

Нароков. Князь Дулебов! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелеевна. Ох, уж много ты очень народу переколол.

Нароков. Много.

Домна Пантелеевна. И все живы?

Нароков. А то как же? Конечно, живы, и все в добром здоровье, продли им, господи, веку. На-ка, вот, отдай! (Подает тетрадку.)

Домна Пантелеевна. Это что ж такое?

Нароков. Роль. Это я сам переписал для нее.

Домна Пантелеевна. Да что ж это за парад такой? На тонкой бумаге, связано розовой ленточкой!

Нароков. Ну, да уж ты ей отдай! Что тут разговаривать!

Домна Пантелеевна. Да к чему ж эти нежности при нашей бедности? Небось ведь за ленточку-то последний двугривенный отдал?

Нароков. Хоть и последний, так что ж из этого? Ручки у нее хорошенъкие, душка еще лучше; нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Домна Пантелеевна. Да к чему, к чему это?

Нароков. Что ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; так и должно быть, потому что я в нее влюблен.

Домна Пантелеевна. Ах, батюшки! Час от часу не легче! Да ведь ты стариk, ведь ты старый шут; какой ты еще любви захотел?

Нароков. Да ведь она хороша? Говори: хороша?

Домна Пантелеевна. Ну, хороша; так тебе-то что ж?

Нароков. Кто ж хорошее не любит? Ведь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человек влюблен, так сейчас гам... и съел? Из тонких парфюмов соткана душа моя. Где ж тебе это понять!

Домна Пантелеевна. А ведь ты чудак, как посмотрю я на тебя.

Нароков. Слава богу, догадалась. Я и сам знаю, что чудак. Что ж ты меня обругать, что ли, этим словом-то хотела?

Домна Пантелеевна (у окна). Никак, князь подъехал? И то он.

Нароков. Ну, так я уйду тут, через кухню. Адье, мадам.

Домна Пантелеевна. Адье, мусье!

Нароков уходит за перегородку. Входят Дулебов и Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Домна Пантелеевна, Дулебов, Бакин.

Домна Пантелеевна. Дома нет, ваше сиятельство, уж извините! В гостиный двор пошла.

Дулебов. Ну, ничего, я подожду.

Домна Пантелеевна. Как угодно, ваше сиятельство.

Дулебов. Вы делайте свое дело, не беспокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Домна Пантелеевна уходит.

Бакин. Вот мы и съехались, князь.

Дулебов. Ну, что же, здесь не тесно и для двоих.

Бакин. Но, во всяком случае, один из нас лишний, и этот лишний – я. Уж такое мне счастье; заехал к Смельской, там Великатор сидит, молчит.

Дулебов. А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умеете, значит, шансы на вашей стороне.

Бакин. Не всегда, князь. Великатор и молчит-то гораздо убедительнее, чем я говорю.

Дулебов. Да почему же?

Бакин. Потому что богат. А так как, по русской пословице: «С богатым не тянишь, а с сильным не борись», – то я и ретириуюсь. Великатор богат, а вы сильны своей любезностью.

Дулебов. Ну, а вы-то чем же хотите взять?

Бакин. Смелостью, князь. Смелость, говорят, города берет.

Дулебов. Города-то, пожалуй, легче... А впрочем... уж это ваше дело. Коли не боитесь проигрыша, так отчего ж и смелость не попробовать.

Бакин. Я лучше готов потерпеть неудачу, чем пускаться в любезности.

Дулебов. У всякого свой вкус.

Бакин. Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства – уж это не много ли чести для наших дам!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Дулебов. У всякого свой взгляд.

Бакин. Мне кажется, очень довольно вот такой декларации: «я вот таков, как вы меня видите, предлагаю вам то-то и то-то; угодно вам любить меня?»

Дулебов. Да, но ведь это оскорбительно для женщины.

Бакин. А уж это их дело, оскорбляться или нет. По крайней мере, я не обманываю; ведь не могу же я, при таком количестве дел, заниматься любовью серьезно: зачем же я буду притворяться влюбленным, вводить в заблуждение, возбуждать, может быть, какие-нибудь несбыточные надежды! То ли дело договор.

Дулебов. У всякого свой характер. Скажите, пожалуйста, что за человек Великаторов?

Бакин. Я об нем знаю столько же, сколько и вы. Очень богат; великолепное имение в соседней губернии, свеклосахарный завод, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда приезжает он на ярмарку; продавать ли, покупать ли лошадей, уж я не знаю. Как он разговаривает с барышниками, я тоже не знаю; но в нашем обществе он больше молчит.

Дулебов. Он деликатный человек?

Бакин. Даже очень: никогда не спорит, со всеми соглашается, и никак не разберешь, серьезно он говорит или мистифицирует тебя.

Дулебов. Но он очень учтивый человек.

Бакин. Уж слишком даже: в театре решительно всех по именам знает, и кассира, и супфера, и даже бутафора, всем руку подает. А уж старух обворожил совсем; все-то он знает; во все их интересы входит; ну, одним словом, для каждой старухи сын самый почтительный и предупредительный.

Дулебов. А из молодых он, кажется, никому особого предпочтения не дает и держится как-то в стороне от них.

Бакин. С этой стороны, князь, будьте покойны, он вам соперник не опасный; он как-то сторонится от молодых и никогда первый не заговаривает: когда обращаются к нему, так у него только и слов: «Что прикажете? что угодно?»

Дулебов. А может быть, это рассчитанная холодность, он хочет заинтересовать собою?

Бакин. Да на что ему рассчитывать! Он завтра или послезавтра уезжает.

Дулебов. Да... разве?

Бакин. Наверное. Он мне сам говорил; у него уж все приготовлено к отъезду.

Дулебов. Жаль! Он очень приятный человек, такой ровный, спокойный.

Бакин. Мне кажется, его спокойствие происходит от ограниченности; ума не скроешь, он бы в чем-нибудь выказался; а он молчит, значит, не умен; но и не глуп, потому что считает за лучшее молчать, чем говорить глупости. У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, что папенька оставил.

Дулебов. В том-то и дело, что папенька оставил ему имение разоренное, а он его устроил.

Бакин. Ну, прибавим ему еще несколько практического смысла и расчетливости.

Дулебов. Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить, и выйдет очень умный, практический человек.

Бакин. Как-то верить не хочется. А впрочем, мне все равно, умен ли он, глуп ли; вот что богат очень, это немножко досадно.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
дулебов. Неужели?

Бакин. Право. Как-то невольно в голову приходит, что было бы гораздо лучше, если бы я был богат, а он беден.

дулебов. Да, это для вас лучше, ну а для него-то?

Бакин. А мне черт его возьми; что мне до него! Я про себя говорю. Однако пора и за дело. Уступаю вам место без бою. До свиданья, князь!

дулебов (подавая руку). Прощайте, Григорий Антоныч!

Бакин уходит. Входит Домна Пантелеевна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

дулебов и Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Ушли, не дождались?

дулебов. Вы что за эту квартиру платите?

Домна Пантелеевна. Двенадцать рублей, ваше сиятельство.

дулебов (указывая в угол). Тут сырьо, должно быть?

Домна Пантелеевна. По деньгам и квартира.

дулебов. Надо будет переменить. (Отворяя дверь направо.) А там что?

Домна Пантелеевна. Спальня Саши, а направо-то моя комната, а там кухня.

дулебов (про себя). Мизерно. Да... конечно, так невозможно.

Домна Пантелеевна. По средствам, ваше сиятельство.

дулебов. Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошой актрисе нельзя так жить, ну, нельзя, я вам говорю, невозможно. Это неприлично.

Домна Пантелеевна. Какие же достатки?

дулебов. Что такое за слово: «достатки»?

Домна Пантелеевна. Из каких доходов, ваше сиятельство?

дулебов. Какое же нам дело до ваших доходов?

Домна Пантелеевна. Да где ж взять-то, ваше сиятельство?

дулебов. Ну, «где взять»! Кому нужно! Никому до этого дела нет; где хотите, там берите. Только так нельзя, это... это... ну, просто неприлично, да и все тут.

Домна Пантелеевна. Вот кабы жалованье...

дулебов. Ну, там жалованье или что другое, это уж ваше дело.

Домна Пантелеевна. Бенефисты очень плохи берем.

дулебов. А кто виноват? чтобы брать большие бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно уметь его выбрать, уметь обходиться..., я могу вам назвать лиц десять, которых нужно привлечь на свою сторону; вот и великолепные бенефисы будут: и призы и подарки. Это дело простое, давно всем известное. Нужно принимать у себя порядочных людей... А где же тут! Что это такое? Кто сюда поедет?

Домна Пантелеевна. А ведь, кажется, публика ее любит, а вот в бенефист так... ничем не заманишь.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Дулебов. Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкие чиновники!
Они рады все руки себе отхлопать, по десяти раз вызывают Негину, а уж ведь он,
каналья, лишнего гроша не заплатит.

Домна Пантелеевна. Что правда, то правда, ваше сиятельство. Конечно, кабы
знакомство, так уж совсем другое дело.

Дулебов. Само собой. Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бывает;
это тоже общественное мнение, а на него жаловаться смешно. Надо уметь заслужить
любовь публики. Надо, чтоб постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а
главными-то, собственно, ее друзьями были бы мы, солидные люди. Все мы целый
день заняты, кто семейными и хозяйственными делами, кто общественными, у нас
свободны только несколько часов вечером; где же удобнее, как не у молодой
актрисы отдохнуть, так сказать, от бремени забот, одному – хозяйственных, а
другому – о вверенном его управлению ведомстве или районе.

Домна Пантелеевна. Уж это очень мудрено для меня, ваше сиятельство. Вы вот эти-то
слова Саше и скажите.

Дулебов. Да, скажу, непременно скажу, я за этим и приехал.

Домна Пантелеевна. Да вот, кажется, и она бежит.

Дулебов. Только уж вы нам не мешайте!

Домна Пантелеевна. Ах, помилуйте, да разве я своему детищу враг.

Входит Негина.

Что ты так долго? Князь тебя давно дожидается. (Берет у дочери шляпку, зонтик,
плащ и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дулебов и Негина.

Дулебов (подходит и целует руку Негиной). Ах, моя радость, я вас заждался.

Негина. Извините, князь! с бенефисом все хлопочу, такая мука... (Задумывается.)

Дулебов (садясь). Скажите, пожалуйста, мой дружочек...

Негина (выходя из задумчивости). Что вам угодно?

Дулебов. Как эта пьеса, что вы в последний раз играли?...

Негина. «Уриель Акоста».

Дулебов. Да, да... Прекрасно вы играли, прекрасно. Сколько чувств, благородства!
Не шутя вам говорю.

Негина. Благодарю вас, князь.

Дулебов. Странные пьесы нынче пишут; не поймешь ничего.

Негина. Да она уже давно написана.

Дулебов. Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Негина. Нет, Гуцкова.

Дулебов. А! Гуцкова... знаю, знаю. Еще у него есть комедия, прекрасная комедия:
«Русский человек добро помнит».

Негина. То Полевого, князь.

Дулебов. Ах, да... я смешал... Полевого... Николай Полевой. Он из мещан... По-французски
Страница 8

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru выучился самоучкой, ученые книги писал, всё с французского брал... Только он тогда заспорил с кем-то... с учеными или с профессорами. Ну где же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велели ученых книг писать, приказали водевили сочинять. После сам был благодарен, большие деньги получал. «Мне бы, говорит, и не догадаться». Что вы так печальны?

Негина. Много хлопот, князь.

Дулебов. Вам, моя красавица, надо веселее быть, вам еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утешать чем-нибудь. Вот мы сейчас с вашей матушкой говорили...

Негина. Об чем, князь?

Дулебов. Разумеется, о вас, мое сокровище, а то о чем же! Вот квартира у вас нехороша... Нельзя актрисе, хорошенькой девушке, в такой избе жить; это неприлично.

Негина (несколько обидясь). Не хороша квартира? Ну, так что же? Я и сама знаю, что бывают квартиры лучше этой... Вам бы, князь, пожалеть меня, не напоминать мне о моей бедности, я и без вас ее чувствую каждый час, каждую минуту.

Дулебов. Да разве я вас не жалею? Я вас очень жалею, красавица моя.

Негина. Так вы жалейте про себя, ваше сиятельство! Мне нет никакой пользы от ваших сожалений, а слышать их неприятно. Вы находитите, что моя квартира не хороша; а я нахожу, что она удобна для меня, и мне лучше не надо. Вам моя квартира не нравится, вам неприятно бывать в такой квартире, так ведь никто вас не принуждает.

Дулебов. Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человека, который вам предан всей душой... Так нельзя...

Негина. Извольте говорить, я слушаю.

Дулебов. Я человек деликатный, я никогда никого не оскорбляю, я известен своей деликатностью. Я бы никогда не посмел осуждать вашу квартиру, если б не имел в виду...

Негина. Чего, князь?

Дулебов. Предложить вам другую, лучше гораздо.

Негина. За ту же цену?

Дулебов. Ну, какое вам дело до цены?

Негина. Я что-то не понимаю, князь.

Дулебов. Вот видите ли, мое блаженство, я человек очень добрый, нежный – это тоже всем известно... я, несмотря на свои лета, до сих пор сохранил всю свежесть чувства... я еще до сих пор могу увлекаться, как юноша...

Негина. Я очень рада; но какое же отношение имеет все это к моей квартире?

Дулебов. Очень просто. Разве вы не замечаете? Я люблю вас... Лелеять вас, баловать... это было бы для меня наслаждением... это моя потребность; у меня очень много нежности в душе, мне нужно ласкать кого-нибудь, я без этого не могу. Ну, подойдите же ко мне, мой птенчик!

Негина (встает). Вы с ума сошли!

Дулебов. Грубо, мой друг, грубо!

Негина. Да с чего вы вздумали? Помилуйте! Я вам никакого повода не подавала... Как вы осмелились выговорить?

Дулебов. Потише, потише, мой дружочек!

Негина. Это что ж такое! Приехать в чужой дом и ни с того ни с сего затеять глупый, обидный разговор.

Дулебов. Потише, потише, пожалуйста! Вы еще очень молоды, чтобы так разговаривать.

Негина. Вот это мило! «Вы еще молоды»! Значит, молодых можно обижать сколько угодно, и они должны молчать.

Дулебов. Да какая тут обида? В чем обида? Дело самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочного общества и осмеливаетесь осуждать почтенного человека! Что вы, в самом деле! Вы меня обижаете!

Негина (в слезах). Ах, боже мой! Нет, это выше сил...

Дулебов. На все есть приличная форма, сударыня! В вас совсем нет благовоспитанности; не нравится вам мое предложение, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежелание учтиво или как-нибудь на шутку свести.

Негина. Ах, оставьте меня, пожалуйста! Не нужно мне ваших нравоучений. Я сама знаю, что мне делать, сама знаю, что хорошо, что дурно. Ах, боже мой!... да не желаю я вас слушать.

Дулебов. Да что же вы кричите?

Негина. Отчего ж мне не кричать? Я у себя дома, кого ж мне бояться?

Дулебов. Прекрасно! Только вы помните, моя радость, что я обиды не забываю.

Негина. Ну, хорошо, хорошо, буду помнить,

Дулебов. Извините, я думал, что вы девица благовоспитанная; я никак не мог ожидать, что вы от всякой малости расплачетесь и расчувствуетесь, как кухарка.

Негина. Да ну, хорошо; ну я кухарка, только я желаю быть честной.

Домна Пантелеевна показывается из дверей.

Дулебов. И поздравляю вас! Только честности одной мало, надо быть и поумнее, и поосторожнее, чтобы потом не плакать. Билета мне не присылайте, я не поеду на ваш бенефис, мне некогда; а если вздумлю, так пошлю взять в кассе. (Уходит.)

Входит Домна Пантелеевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина и Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Что такое? Что тут у вас? Князь уехал? Уж не рассердился ли он?

Негина. Да пускай его сердится!

Домна Пантелеевна. Что ты! Опомнись! Перед бенефистом-то? да в уме ли ты?

Негина. Да ведь невозможно! Что он говорит! Кабы вы послушали!

Домна Пантелеевна. А тебе что! Пускай говорит. От его слов тебя не убудет.

Негина. Да ведь вы не знаете, что он говорил; что ж вы мешаетесь не в свое дело?

Домна Пантелеевна. Очень я знаю, очень прекрасно все это знаю, что мужчины говорят.

Негина. И можно это слушать равнодушно?

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Домна Пантелеевна. А что ж такое! Городи, сколько хочешь. Пусть его мелет в свое удовольствие, а ты знай посмеивайся!

Негина. Ах, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю, как вести себя.

Домна Пантелеевна. Уж и видно, что знаешь: перед самым бенефистом побранилась ты с таким человеком!

Негина. Маменька, да разве вы не видите, что я расстроена? Я дрожу вся, а вы ко мне пристаете.

Домна Пантелеевна. Нет, ты погоди! Ты выслушай от матери резон! Как же это перед бенефистом браниться, ежели которые люди тебе нужные?... Не могла ты подождать-то? Ну, после бенефиста бранись сколько хочешь, я тебе ни слова не скажу. Потому нельзя тоже им и волю давать; ограничить следует. Ах, мол, ты пугало огородное!...

Негина. Маменька, да довольно уж...

Домна Пантелеевна. Нет, постой! А перед бенефистом ты должна была учтиво...

Негина. Да я и не бранилась, я только обиделась и сказала, чтоб он оставил меня в покое.

Домна Пантелеевна. Вот и глупа, вот и глупа! Ты бы, как можно, старалась учтивее. «Мол, ваше сиятельство, мы завсегда вами очень довольны и завсегда вами благодарны; только подлостев таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете». Вот как надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Негина. Что сделано, то сделано; нечего теперь об этом толковать!

Домна Пантелеевна. Я вот и не ученая, да знаю, как с людьми разговаривать; а тебя еще учитель учит...

Негина. Что вы еще об учителе?... Ведь не понимаете вы этого ничего, так нечего вам и мешаться не в свое дело.

Домна Пантелеевна. Да чего понимать-то? Обнаковенно студент... Эка важность какая, скажите пожалуйста! Не барон какой-нибудь!... Видали мы этого звания-то довольно. Только на разговоре их и взять... Голь на голи да голью погоняет. Только один форс, а сертучишка нет порядочного.

Негина. Что он вам сделал... ну, за что вы? За что вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелеевна. Ну, да как же, эка особа! И говорить про него не смей! нет, матушка, никто мне не запретит, захочу вот, так и обругаю, в глаза обругаю. Самые что ни есть обидные слова подберу, да так-таки прямо ему и отпечатаю... Вот ты и знай, как с матерью спорить, как с матерью разговаривать.

Негина. Уйдите!

Домна Пантелеевна. Вот еще; «Уйдите»! да уходи сама, коли тебе со мной тесно.

Негина. Вон кто-то подъехал, кажется... Уйдите, маменька! Кому интересно наши с вами умные разговоры слушать!

Домна Пантелеевна. Так вот не уйду же. Ишь ты... Сама разобидит мать как нельзя хуже, да еще разные претензии представляет... «Умные разговоры». Не глупее я тебя с студентом-то с твоим, с лохматым.

Негина (взглянув в окно). Великатор! В первый раз к нам... а у нас тут...

Домна Пантелеевна. Не беспокойтесь, сударыня, мамзель Негина, знаменитая актриса, обращение не хуже вас знаем... Только я тебе это припомню.

Негина. Смельская с ним.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Домна Пантелеевна. Да-с, вот люди умеют же...

Негина. Какие лошади, какие лошади!

Домна Пантелеевна. Смельская-то катается, а мы пешечком ходим.

Входят Смельская и Великаторов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Негина, Домна Пантелеевна, Смельская и Великаторов.

Домна Пантелеевна. Пожалуйте, пожалуйте, Нина Васильевна!

Смельская. Здравствуйте, Домна Пантелеевна! Гостя к вам привезла, Ивана Семеныча Великаторова.

Великаторов кланяется.

Домна Пантелеевна. Ах, очень приятно познакомиться. Давно я вас знаю, в театре часто видала, а познакомиться не приводилось.

Смельская. Здравствуй, Саша! Я сбиралась к тебе, уж и шляпу надела, а Иван Семеныч и заехал; ну, и увязался со мной. Ты не сердишься? Она ведь у нас затворница.

Негина (подает руку Великаторову). Ах, что ты! Я очень рада. Вам бы давно догадаться, Иван Семеныч.

Великаторов. Не смел, Александра Николаевна; я человек робкий.

Смельская. Да, уж робкий – похоже!

Негина. Скажите лучше, гордый.

Домна Пантелеевна. Вот уж это ты напрасно; Иван Семеныч человек обходительный со всеми, я сама это видала. Гордости этой в них совсем нет.

Великаторов. Совсем нет, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Я люблю правду говорить.

Великаторов. Я тоже, Домна Пантелеевна.

Негина. Садитесь, Иван Семеныч.

Великаторов. Не беспокойтесь, сделайте одолжение! У вас, вероятно, какие-нибудь дела есть; вы на нас не обращайте внимания. Я с Домной Пантелеиной побеседую. (Садится у стола.)

Негина и Смельская говорят шепотом.

Негина (Смельской). Вот что, Нина...

Смельская. Неужели?

Негина. Да. Не знаю, что и делать.

Смельская. Как же быть-то? да ты бы... (Говорит шепотом.)

Домна Пантелеевна. Да что вы, в самом деле, шепчетесь? Нешто это учтиво?

Великаторов. Не мешайте им! У всякого свои дела.

Домна Пантелеевна. Какие дела! Всё пустяки. Ведь я знаю, про что говорят. О тряпках. Вот у них дела-то какие!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Великатор. Для нас с вами тряпки – пустяки, а для них – важное дело.

Домна Пантелеевна. Платьишко нет к бенефисту, да и денег-то.

Великатор. Ну, вот видите! А вы говорите, что пустяки. (Взглянув в окно.)
Курочки-то это ваши?

Домна Пантелеевна. Которые?

Великатор. А вот кохинхинские.

Домна Пантелеевна. Нет, где уж нам кохетинских разводить! Были две гилянки да две шпанки, а петух русский; орел, а не петух – да всех разворовали.

Великатор. А вы любите курочек-то, Домна Пантелеевна?

Домна Пантелеевна. До страсти, батюшка, всякую птицу люблю.

Входит Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелеевна, Великатор и Мелузов.

Негина (Великатору). Позвольте вас познакомить! Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатор.

Смельская. Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч – студент; он жених Сашин.

Великатор (подавая руку). Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов. Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.

Великатор (почтительно). Совершенно справедливо; очень много говорится пустых фраз, я с вами согласен; но то, что я сказал, извините, не фраза. Мне приятно, что артистки выходят замуж за порядочных людей.

Мелузов. Да, коли так... благодарю вас! (Подходит и горячо жмет руку Великатору.)

Негина. Пойдем, Нина, я тебе покажу платье! Посмотри, можно ли из него сделать что-нибудь! (Великатору.) Извините, что мы вас оставляем! Но я знаю, что вам не будет скучно: вы будете разговаривать с образованным человеком, это не то, что с нами. Маменька, пойдемте! Отоприте шкаф!

Уходят Негина, Смельская и Домна Пантелеевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Великатор и Мелузов.

Великатор (заметив на столе книги). Книжки и тетрадки.

Мелузов. Да, учимся понемножку.

Великатор. И успехи есть?

Мелузов. Некоторые, так сказать, относительные.

Великатор. И того довольно. Времени у Александры Николаевны мало: чуть не каждый день новая пьеса, надо и рольку подготовить, и о костюме подумать. Не знаю, как вы полагаете, а мне кажется, что это довольно затруднительно: учить и роли и грамматику вместе.

Мелузов. Да, удобств больших не представляет.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Великатор. По крайней мере, есть стремление, есть охота, и то уж великое дело.
Честь вам и слава.

Мелузов. Да за что же слава-то, например?

Великатор. За благородные намерения. Кому же в голову придет актрису грамматике
учить!

Мелузов. Да вы смеетесь, может быть?

Великатор. Нисколько, помилуйте; я никогда себе не позволю. Я очень люблю
молодых людей.

Мелузов. Уж будто?

Великатор. Очень люблю их слушать... это освежает душу. Такие благородные, высокие
замыслы... даже завидно.

Мелузов. Чему же тут завидовать? Кто ж вам мешает иметь благородные, высокие
замыслы?

Великатор. Нет, где же нам, помилуйте! Нас проза жизни одолела. И рад бы в рай,
да грехи не пускают.

Мелузов. Какие же грехи за вами водятся?

Великатор. Тяжкие. Практические соображения, материальные расчеты – вот наши
грехи. Постоянно вращаешься в сфере возможного, достижимого; ну, душа-то и
мельчает, уж высоких, благородных замыслов и не приходит в голову.

Мелузов. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатор. А такие замыслы, в которых очень много благородства и очень мало
шансов на успех.

Входят Негина, Смельская и Домна Пантелеевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Великатор, Мелузов, Негина, Смельская и Домна Пантелеевна.

Смельская (Негиной.) Все это, душа моя, не годится.

Негина. Я и сама вижу. Новое делать – будет очень дорого.

Смельская. Да как же быть-то! ведь нельзя же... Поедемте, Иван Семеныч!

Великатор. К вашим услугам. (Подает руку Негиной.) Честь имею кланяться!

Негина. Какие у вас лошади! Вот бы прокатиться как-нибудь.

Великатор. Когда вам угодно, прикажите только. (Подает руку Мелузову, потом
Домне Пантелеевне.) Домна Пантелеевна, мое почтение! А как вы на мою тетеньку
похожи.

Домна Пантелеевна. Да ужли?

Великатор. Ведь это удивительно... такое сходство... чуть не назвал вас тетенькой.

Домна Пантелеевна. Да зовите, за чем дело стало!

Смельская. Ну, едемте! Прощай, Саша! Прощайте! (Кланяется всем.)

Великатор (Домне Пантелеевне). До свидания, тетенька!

Уходят Смельская и Великатор. Домна Пантелеевна провожает их до двери.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Домна Пантелеевна. Ах, прокурат! (Негиной.) А ты говоришь, он гордый! ничего не
гордый. Уж на что еще обходительнее. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Негина и Мелузов.

Негина (у окна). Как покатили! что за прелесть! Счастливая эта Нина; вот
характер завидный.

Мелузов обнимает ее.

Ах, медвежьи объятья!... до смерти не люблю. Нет, Петя, оставь меня!

Мелузов. Саша, да ведь я от тебя еще ни одной ласки не видал. Хороши жених с
невестой!

Негина. После, Петя, после. Дай мне немного успокоиться! Мне теперь не до того.

Мелузов. А коли не до того, так давай учиться!

Негина. Какое ученье! У меня бенефис из головы нейдет; платья нет, вот моя беда.

Мелузов. Не о платье же мы будем говорить, это не мой предмет; по этой части я в
преподаватели не гожусь.

Негина. Ох, мне теперь не преподавание нужно, а деньги.

Мелузов. Ну, и по этой части я тоже швах. Вот получу место, запрягусь; тогда
будем жить безбедно. Ну, что ж мы будем делать? А вот что, Саша: давай примемся
за исповедь!

Негина. Ах, мне всегда это как-то неловко!

Мелузов. Ты меня стыдишься?

Негина. Нет, а как-то вот тяжело... неприятно.

Мелузов. Надо побороть в себе это неприятное чувство. Ведь ты меня просила учить
тебя жить; ну, как же я стану тебя учить, не лекции же читать? А вот ты мне
говоришь, что ты чувствовала, говорила и делала; а я тебе говорю, как надо
чувствовать, говорить и поступать. Так ты постепенно и улучшаешься и со временем
будешь...

Негина. Что буду, милый мой?

Мелузов. Будешь совсем хорошей женщиной, такой, какой надо, как это нынче
требуется от вашего брата.

Негина. Да, я тебе благодарна. Я уж и так много лучше стала, я сама это
чувствую... А все тебе обязана, голубчик... Ну, изволь.

Мелузов (садится у стола). Садись со мной рядом!

Негина (садится подле, Мелузов обнимает ее одной рукой). Ну, вот слушай! Нынче
утром заезжал ко мне князь Дулебов. Говорил, что у меня квартира нехороша, что
так жить неприлично; ну, я немножко обиделась, сказала, что коли моя квартира
ему не нравится, так никто его не принуждает бывать здесь.

Мелузов. Молодец, Саша! далее!

Негина. далее, предложил мне переехать на другую квартиру, хорошую.

Мелузов. Зачем это ему?

Негина. А затем, что у него очень много нежности в душе и что ему, видишь ты,

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
ласкать некого.

Мелузов (хочет). Вот силлогизм неожиданный! Так как мне ласкать некого, а
ласкать нужно, то эта квартира не хороша, и вы должны переехать на новую
квартиру. (Хочет.) Ай да князь! Одолжил.

Негина. Ты вот смеешься, тебе весело, а я расплакалась.

Мелузов. Так и надо: мне смеяться, а тебе плакать.

Негина. Да почему же это?

Мелузов. Да ты подумай! Если бы от таких разговоров тебе очень весело было, а я
бы заплакал, хорошо ли бы это было?

Негина (подумав). Да, уж это было бы очень нехорошо. Ах ты, головка! (Гладит его
по голове.) Скажи мне, Петя, отчего ты такой умный?

Мелузов. Умный или нет, еще это вопрос; но что я умней многих вас, в этом нет
сомнения. И умней оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите,
чем думаете.

Негина. Ну, теперь уж я тебе скажу самую сокровенную вещь... Только ты,
пожалуйста, не сердись! это уж наш порок женский. Я сегодня позавидовала.

Мелузов. Кому ты можешь завидовать, милая? В чем?

Негина. Да только ты не сердись! Смельской... что она так весело живет, катается
на таких лошадях. Дурно, знаю, что дурно.

Мелузов. Зависть да ревность – опасные чувства; мужчины это знают хорошо и
пользуются вашей слабостью. Из зависти да из ревности женщина много дурного
способна натворить.

Негина. Знаю, знаю, видела примеры. Мне так это на минуту в голову пришло, я
потом одумалась.

Мелузов. Надо уж что-нибудь одно, Саша. Мы с тобой хотим честную, трудовую жизнь
вести, так об лошадях ли нам думать!

Негина. Да, конечно! Ведь и в трудовой жизни есть свои удовольствия, Петя? Ведь
бывают?

Мелузов. Еще бы!

Негина. Ты у нас пообедай! После обеда я тебе роль почитаю, так и проведем целый
день вместе. Будем привыкать к тихой семейной жизни.

Мелузов. Бесподобно!

Негина (прислушиваясь). Это что такое? Подъехал кто-то.

Входит Смельская с двумя свертками в руках.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Негина, Мелузов и Смельская.

Смельская. Вот, Саша, на! (Подает один сверток.) Это Иван Семеныч купил нам по
платью. Это тебе, а это мне.

Развертывают и смотрят оба куска.

Мелузов. Да какое же он имеет право делать подарки Александре Николаевне?

Смельская. Ах, оставьте, пожалуйста, ваши рассуждения! Ваша философия теперь не
к месту. Это совсем не подарок, это он ей за билет в бенефис.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мелузов. А вам за что?

Смельская. А вам какое дело! За то, что любит меня.

Негина. Именно то, что мне нужно, Нина. Ах, как мило!

Смельская. Ведь я выбирала; уж я знаю, что тебе требуется. Ну, едем, Саша, едем скорей!

Негина. Куда?

Смельская. Кататься, я на лошадях Ивана Семеныча, а потом обедать в вокзал. Он звал всю труппу, хочет проститься со всеми; он скоро уезжает.

Негина (задумчиво). Право, не знаю.

Смельская. Да что ты, помилуй! Об чем тут думать! разве отказаться можно? должна же ты поблагодарить его.

Мелузов. Весьма любопытно, как вы поступите в этом случае?

Негина. Знаете что, Петр Егорыч? Я думаю, что мне надо ехать, а то неучтиво. Можно вооружить против себя всю публику: князь уж сердится, да и Великатор может обидеться.

Мелузов. А когда же мы будем к тихой семейной жизни привыкать?

Смельская. Это уж после бенефиса, Петр Егорыч. Время ли теперь о семейной жизни думать. Это смешно даже. Еще семейная-то жизнь успеет надоест; а теперь нужно пользоваться случаем.

Негина (решительно). Нет, Петр Егорыч, я поеду. В самом деле, отказываться нехорошо.

Мелузов. Как вам угодно; это ваше дело.

Негина. Тут не в том дело, угодно ли мне; может быть, мне и неугодно; а необходимо ехать; конечно, необходимо, и рассуждать нечего.

Мелузов. Так поезжайте!

Смельская. Сбирайся, сбирайся!

Негина. Я сейчас. (Уходит за перегородку со свертком.)

Смельская. Вы не ревновать ли вздумали? Так успокойтесь, он через день уезжает, да и я не уступлю его Саше.

Мелузов. «Не уступлю». Вы меня извините, я таких отношений между мужчинами и женщинами не понимаю.

Смельская. Да где же еще вам понимать! Ведь вы жизни совсем не знаете. А вот поживите между нами, так научитесь все понимать.

Входит Негина одетая.

Ну, идем! Прощайте! (Уходит.)

Негина. Петя, ты приходи вечером; мы будем учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всем, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! (Целует его и убегает.)

Мелузов (нахлобучивает шляпу). Гм! (Подумав.) Зашагаем ко дворам! Ничего не поделаешь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЛИЦА:

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Негина.

Смельская.

Князь дулебов.

Великатор.

Бакин.

Мелузов.

Нароков.

Гаврило Петрович Мигаев – антрепренер.

Ераст Громилов – трагик.

Вася, молодой купчик, приятной наружности и с приличными манерами.

Публика разного рода, более купеческая.

Городской сад. Направо (от актеров) задний угол театра (деревянного) с входной дверью на сцену; ближе к авансцене садовая скамья; налево, на первом плане, под деревьями, скамейка и стол; в глубине под деревьями столики и садовая мебель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трагик сидит у стола, опустив голову на руки; из театра выходит Нароков.

Трагик. Мартын, антракт?

Нароков. Антракт. А ты уж опять «за Уралом за рекой»?

Трагик. Где мой Вася? Где мой Вася?

Нароков. А я почем знаю.

Трагик. Мартын, поди сюда!

Нароков (подходя). Ну, пришел сюда, ну, что?

Трагик. Деньги есть?

Нароков. Ни крейцера.

Трагик. Мартын... для друга! Велико это слово!

Нароков. Pas un sou; хоть вывороти карманы. <Ни одного су (франц.)>

Трагик. Скверно.

Нароков. На что хуже.

Трагик (покачав головой). О люди, люди!...

Молчание.

Мартын!

Нароков. Что еще?

Трагик. Займи поди!

Нароков. У кого прикажете? Кредит-то у нас с тобой необширный.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Трагик. О люди, люди!

Нароков. Да, уж действительно, «о люди, люди»!

Трагик. И ты, Мартын, вороптал?

Нароков. Какая-то гнусная, дьявольская интрига затевается.

Трагик (грозно). Интрига? Где? Против кого?

Нароков. Против Александры Николавны!

Трагик (еще грознее). Кто он? Где он? Скажи ему от меня, что он со мной будет иметь дело, с Ерастом Громиловым!

Нароков. Ничего ты не сделаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и так расстроен, а ты шумишь без толку. Мука мне с вами! У всех у вас и много лишнего, и многого не хватает. Я измаялся, глядя на вас. У комиков много лишнего комизма, а у тебя много лишнего трагизма; а не хватает у вас грации... грации, меры. А мера-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!

Трагик. Нет, Мартын, я благороден... Ах, как я благороден! Одно, брат Мартын, обидно, что благороден-то я только в пьяном виде... (Опускает голову и трагически рыдает.)

Нароков. Ну, вот и шут, ну, вот и шут!

Трагик. Мартын! говорят, что ты сумасшедший; скажи мне, правда это или нет?

Нароков. Правда, я согласен; но только с одним условием: если вы все здесь умные, так я сумасшедший, я тогда спорить не стану.

Трагик. Знаешь, Мартын, на что мы с тобой похожи?

Нароков. На что?

Трагик. Ты знаешь Лира?

Нароков. Знаю.

Трагик. Так помнишь, там, в лесу, в бурю... Я – Лир, а ты – мой дурак.

Нароков. Нет, не заблуждайся, Лиров нет меж нами; а кто из нас дурак, это я предоставлю тебе самому догадаться.

Из театра выходит Негина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик, Нароков и Негина.

Негина. Что ж это такое, Мартын Прокофьевич? Что они со мной делают?

Нароков (хватаясь за голову). Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Негина. Да ведь это обидно до слез.

Нароков. О, не плачьте; они не стоят ваших слез. Вы белый голубь в черной стае грачей, вот они и клюют вас. Белизна, чистота ваша им обидна.

Негина (сквозь слезы). Послушайте, Мартын Прокофьевич, ведь при вас, при вас, помните, он обещал дать мне сыграть перед бенефисом. Я жду, я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефисом; а он, противный, что же делает! Назначает «фру-фру» со Смельской.

Нароков. Кинжал в грудь по рукоятку!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru Негина. Устраивают ей овации накануне моего бенефиса, подносят букеты; а меня публика и забыла совсем. Какой же у меня может быть сбор!

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза.

Нароков. Дерево он у нас, дерево, дуб, осина.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Мартын Прокофьевич, вы только одни меня любите.

Нароков. О да, больше жизни, больше света.

Негина. Я вас понимаю и сама люблю.

Нароков. Понимаете, любите? Ну, вот я и счастлив, да, да... (тихо смеется) как ребенок, счастлив.

Негина. Мартын Прокофьевич, сделайте одолжение, поищите Петра Егорыча; скажите ему, чтобы он ко мне на сцену пришел.

Нароков. Я так счастлив, что с удовольствием позову и приведу к вам вашего любовника.

Негина. Он жених, Мартын Прокофьевич, а не любовник.

Нароков. Все равно, все равно, голубь мой белый! Жених, муж; но если вы его любите, так он ваш любовник. Но я ему не завидую, я сам счастлив.

Негина. Да зайдите в кассу, узнайте, берут ли на мой бенефис. Я подожду вас в уборной: будем чай пить.

Нароков уходит.

Трагик. Коли с ромом, так и я буду.

Негина. Нет, без рому. (Уходит на сцену.)

Трагик. Где мой Вася? где мой Вася? (Уходит в глубину сада.)

Входят князь Дулебов и Мигаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дулебов и Мигаев.

Дулебов. Негина нам не годится, говорю я вам. Вы обязаны угождать благородной публике, светской, а не райку. Ну, а нам она не по вкусу, слишком проста, ни манер, ни тону.

Мигаев. Гардеробу не имеет хорошего, а талант большой-с.

Дулебов. Ну, талант! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаев. Действительно, ваше сиятельство, я понимаю не очень много; но ведь мы судим... извините, ваше сиятельство, по карману: делает сборы большие, так и талант.

Дулебов. Ну да, конечно; вы материалисты.

Мигаев. Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сиятельство, мы материалисты.

Дулебов. Вы не понимаете этого... тонкого... как это сказать... этого шику.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Мигаев. Не понимаем, ваше сиятельство. Но позвольте вам доложить, я в прошлом
году выписал знаменитость с шиком на великосветские роли...

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Убыток, ваше сиятельство. Ни красы, ни радости.

Дулебов. Красы не было? Ну, как это возможно сказать, как можно позволить себе
сказать, что красы не было!

Мигаев. Виноват, ваше сиятельство. Краса действительно была: бывало, когда она
одевается, так вся труппа подле уборной, кто в двери, кто в щелочки. Ведь у нас
уборные прозрачные, ажур устроены.

Дулебов (хочет). Ха, ха, ха! Вот видите! Ну и радость тоже.

Мигаев. Так точно-с, и радость была... для вашего сиятельства, а для меня горе.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ты каламбурист.

Мигаев. Нельзя же без этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше звание
такое, ваше сиятельство.

Дулебов. Ты бы водевили писал. Извините, я вам говорю «ты»... Но это только знак
расположения, мой милый.

Мигаев. А из чего же мы и бьемся, как не из расположения. Только осчастливьте,
ваше сиятельство... А там «ты» ли, «вы» ли – это решительно все равно.

Дулебов. Нет, зачем же! Я учтив, я всегда деликатен. Так что ж вы водевилей не
пишете?

Мигаев. Пробовал, ваше сиятельство.

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Театрально-литературный комитет не одобряет.

Дулебов. Странно. Отчего же так?

Мигаев. Не могу знать, ваше сиятельство.

Дулебов. А вы в другой раз, коли напишете, так скажите мне. Я вам сейчас... у меня
там. Ну, да что тут. Только скажите.

Мигаев. Слушаю, ваше сиятельство.

Дулебов. А я уж это сейчас!... у меня там... ну, да что толковать, только скажите... А
я вам, вместо Негиной, выпишу актрису настоящую; и собой (разводит руками) уж,
мое почтение! Пальчики оближете.

Мигаев. Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпеть, не пришлось бы
кулаком слезы утират, ваше сиятельство?

Дулебов. Ха, ха, ха! Вы каламбурист! Нет, право, пишите водевили, пишите, я
советую. А актриса, я вам говорю, прелесть.

Мигаев. Цена, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, цена, конечно, подороже.

Мигаев. Из каких же доходов, ваше сиятельство? Где взять прикажете? И так год от
года на них цена растет; а сборы все хуже да хуже. Платим жалованье, очертя
голову, точно миллионщики. Разве исполну, ваше сиятельство?

Дулебов. Что такое «исполну»! Как так исполну?

Мигаев. Пополам, половину жалованья вы, половину я.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Дулебов. Ха, ха, ха! Ну, пожалуй... Ну, что такое Негина? Какая это первая актриса! с ней скучно, мой милый, она не оживляет общества, она наводит на нас уныние.

Мигаев. Что же делать! уж если так угодно вашему сиятельству, так я с ней контракта не возобновлю.

Дулебов. Да, непременно.

Мигаев. У нее контракт кончается.

Дулебов. Ну, вот и прекрасно. Вся наша публика будет вам благодарна.

Мигаев. Да публики-то вашей, ваше сиятельство, только первый ряд кресел.

Дулебов. Зато мы даем тон.

Мигаев. Как бы не прогадать.

Дулебов. О нет, не беспокойтесь! Публика к ней охладела; вот посмотрите, в бенефис у нее совсем сбору не будет. Хотите пари?

Мигаев. Спорить не смею.

Дулебов. Да и нельзя со мной спорить; я лучше вас знаю публику и понимаю дело. А я такую актрису выпишу, что она здесь всех одушевит. Мы тогда заживем припеваючи.

Мигаев. Припеваючи? Волком бы не завыть, ваше сиятельство.

Дулебов. Ха, ха, ха! Нет, ты каламбурист, решительно каламбурист. Ах, извините. Это у меня, когда уж очень я разговорюсь, в дружеской беседе, а то я вообще деликатен... я даже и с прислугой... (Вынимает портсигар.) Хочешь сигару?

Мигаев. Пожалуйте, ваше сиятельство. (Берет сигару.) Дорогие-с?

Дулебов. Я дешевых не курю.

Мигаев. А у меня горе, ваше сиятельство.

Дулебов. Что такое?

Мигаев. Трагик запил. Вон он бродит по саду.

Дулебов. А паспорт у него в порядке?

Мигаев. Когда ж у них в порядке бывают, ваше сиятельство.

Дулебов. Так можно пугнуть: что, мол, по этапу на место жительства.

Мигаев. Нет, уж пугать-то их, ваше сиятельство, не приходится: себе дороже.

Дулебов. А что?

Мигаев. Душа у них очень широка, ваше сиятельство. Мне, говорит, хоть в Камчатку, а ты - мерзавец! да так он это слово, ваше сиятельство, выразительно выговорит, что не до разговоров, а только подумываешь, как бы ноги унести.

Дулебов. Да, в таком случае лучше лаской.

Мигаев. Уж и то ласкою. Удивляются, ваше сиятельство, что укротители ко львам в клетку ходят; нас этим не удивишь. Я скорей соглашусь ко льву подойти, чем к трагику, когда он не в духе или пьян.

Дулебов. Ха, ха, ха! Однако задали они вам страху. Я пойду поищу своих. (Уходит за театр.)

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Входит трагик.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мигаев и трагик.

Мигаев (подает сигару). Хочешь сигару?

Трагик. Грошовая? От тебя ведь хорошей не дождешься.

Мигаев. Нет, хорошая, княжеская.

Трагик. А что ж сам не куришь?

Мигаев. Да у меня свои-то лучше. (Вынимает серебряный портсигар.)

Трагик. Вот какой портсигар у тебя, а говоришь, денег нет.

Мигаев. Да, чудак, давно б я его заложил, да нельзя – дареный, в знак памяти, пуще глазу его берегу. Видишь надпись: «Гавриилу Петровичу Мигаеву от публики».

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Толкуй с тобой, коли ты резонов не понимаешь. Вон публика; должно быть, акт кончился. (Уходит.)

Трагик (вслед ему). Ефиоп! (Садится к столу.) О люди, люди! (Опускает голову на руки.)

Входят Дулебов, Великатор, Бакин и Вася.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Трагик, Дулебов, Великатор, Бакин и Вася.

Бакин. Это прекрасно; так их и надо учить, вперед умнее будут. Я в кассу заходил,правлялся; сбору четырнадцать рублей.

Вася. Капитал небольшой-с. Еще завтра поторгуют утром да вечером; оно и понаберется.

Бакин. Сто рублей. Больше не будет.

Вася. И то деньги-с.

Бакин. Не велики. Ведь, чай, и долги есть, за тряпочки за разные. Без этого актрисы не живут. (Васе.) Вам не должна?

Вася. Мы в кредит не отпускаем-с.

Бакин. Скрываете. Я это люблю, это очень приятно, когда общественное мнение так дружно высказывается. (Великатору.) Как вы полагаете?

Великатор. Совершенно согласен с вами.

Бакин. Она в лице князя оскорбила наше общество; а общество платит ей за это равнодушием, дает понять, что оно забыло о ее существовании. Вот когда придется ей зубы на полку положить, так и выучится приличному обхождению.

Вася. Чем же госпожа Негина оскорбила его сиятельство?

Бакин. Да вы знаете князя Ираклия Стратоныча? Вот он!

Вася. Как же нам не знать-с, и кто ж в наших палестинах не знает их сиятельства!

Дулебов. Да, мы с ним знакомы давно, я еще и отца его...

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Бакин (Васе). Значит, вы знаете, что это за человек? Это человек в высшей степени почтенный, это наш аристарх, душа нашего общества, человек с большим вкусом, умеющий хорошо пожить, человек, любящий искусство и тонко его понимающий, покровитель всех художников, артистов, а преимущественно артисток...

дулебов. Не довольно ли?

Бакин. Каждому по заслугам, князь. И кроме того, человек щедрый, гостеприимный, отличный семьянин. Господа, заметьте это! Это редкость в наше время. Ну, одним словом, человек почтеннейший во всех отношениях. Так я говорю?

Вася. Точно так-с.

Бакин (Великатору). Кажется, тут двух мнений быть не может?

Великатор. Совершенно с вами согласен.

Бакин. И этот, господа, почтеннейший во всех отношениях человек и отличный семьянин пожелал осчастливить своей благосклонностью девицу, и именно Негину. Что тут дурного, я вас спрашиваю. Он очень учили говорят ей: «Хотите, душенька, идти ко мне на содержание?» А она изволила обидеться и расплакаться.

дулебов. Нет уж, Григорий Антоныч, оставьте, сделайте одолжение!

Бакин. Почему же, князь?

дулебов. Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, так у вас выходит, что почтенный во всех отношениях человек оказывается совсем непочтенным.

Бакин. Как вам угодно. Я не знаю... я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Так, изволите видеть, госпожа Негина обиделась. Ей бы и в голову не пришло обижаться, по крайней мере, своим умом ей бы никак до этого не дойти, потому что, в сущности, тут для нее нет ничего обидного. Оказывается постороннее влияние.

дулебов. Да, я слышал.

Бакин. У этой барышни нашелся наставник студент, значит, дело объясняется просто.

дулебов. И в театр проникли.

Бакин. Знали бы свое дело, резали бы собак да лягушек; а то вздумали актрис просвещать. Ученая пропаганда между актрисами - дело опасное; против нее надо принять неотложные меры.

дулебов. Конечно.

Бакин. Ну, как они просветят их в самом деле; куда ж нам тогда с князем деться?

дулебов. Ну, уж довольно: прошу вас!

Бакин. Извольте, я кончил. (Великатору.) Вы, кажется, хотели уехать сегодня?

Великатор. Не всегда можно рассчитывать наверное. Я действительно хотел уехать сегодня; но теперь мне представляется одна операция, на которую я прежде не рассчитывал.

Бакин. Нажива манит?

Великатор. Это дело рискованное: можно и нажить, а очень легко и потерять.

Бакин. Хорошо бы сегодня поужинать вместе.

Великатор. Что ж, я не прочь.

Бакин. Князь, как вы?

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Дулебов. Да, пожалуй, поедемте.

Бакин. Сойдемся здесь по окончании спектакля, да и поедем куда-нибудь! Теперь что там? Дивертисмент?

Вася. Рассказчик какой-то рассказывает.

Дулебов. Что ж, пойдемте посмеемтесь.

Бакин. Коли есть чему, прибавьте, князь.

Бакин, дулебов и Великаторов уходят.

Трагик. Где мой Вася?

Вася (подходя). Здесь Вася. Что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Да тебе что нужно-то от меня; говори скорее!

Трагик. Что нужно! Уважение нужно. Разве ты своей обязанности не знаешь?

Вася. Ну, подожди немножечко; уважу. Ведь уж долго ждал, так немножко-то подождать можешь. Я пойду рассказчика послушаю; все наши там. Ну, будь друг, не держи меня!

Трагик. Ступай! Я благороден.

Вася уходит.

Со сцены выходят Негина, Смельская и Мелузов; у него на руке плед и накидка Негиной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Трагик, Негина, Смельская и Мелузов.

Смельская. Да, Саша, твоё положение очень неприятное; я понимаю; только я тут ни в чём не виновата. Ах, Саша, и я в большом затруднении.

Негина. Не может быть: какие у тебя затруднения! Я не верю. Тебе так легко, хорошо живется на свете.

Смельская. А вот видишь. (Отводит Негину к стороне.) За мной очень ухаживает князь.

Негина. Так что ж! Уж это твоё дело.

Смельская. Конечно, мое дело, я это знаю; но мне и Великаторова не хочется упустить.

Негина (с некоторым волнением). А разве Великаторов тоже за тобой ухаживает?

Смельская. Он странный какой-то: каждый день бывает у меня, исполняет все мои желания, а ничего не говорит... Он робок, должно быть. Ведь бывают такие характеры. Как мне теперь поступить, уж я и не знаю. Показать князю холодность — наживешь врага; а Великаторов, пожалуй, уедет завтра, и его потеряешь. Любезничать с князем будет и неблагодарно с моей стороны, да и Великаторов мне гораздо больше нравится.

Негина. Еще бы! Конечно... Кому он не понравится!

Смельская. Ты находишь? А что я узнала про него! Ведь у него миллионное состояние; он только прикидывается таким простым. Уж и не знаю, что мне делать. Поверишь ли, Саша, измучилась.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Негина. Я ведь ничего не понимаю в этих делаах; спроси вон Петра Егорыча.

Смельская. Что ты! А он-то что понимает? Он будет городить свою философию; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себе желаешь. Он тебя только с толку сбивает. Философия-то хороша в книжках; а он поживи-ка попробуй на нашем месте! Уж есть ли что хуже нашего женского положения! Ты домой, так пойдем!

Негина. Мне бы хотелось поговорить с Гаврилом Петровичем, я его дожидаюсь.

Смельская. Так и я подожду.

Подходят к Мелузову, который смотрит на трагика.

Трагик (поднимая голову, Мелузову). Кто ты такой? Зачем ты здесь?

Негина. Он со мной пришел.

Трагик. Александра Николаевна!... Саша! Офелия! Зачем он здесь?

Негина. Это мой жених, мой учитель.

Трагик. Учитель! Чему же он тебя учит?

Негина. Всему хорошему.

Трагик (мелузову). Ну, поди сюда!

Мелузов подходит.

давай руку!

Мелузов подает руку.

Я сам тоже учитель, да, учитель. Что ты на меня смотришь? Я учу богатого купца.

Мелузов. А позволено ли мне будет спросить?...

Трагик. Спрашивай!

Мелузов. Чему, например, вы учите?

Трагик. Благородству.

Мелузов. Предмет серьезный.

Трагик. Я думаю, да-с... я думаю. Это не то, что твоя география какая-нибудь. Значит, мы с тобой учителя, ну, и прекрасно. По этому случаю пойдем в буфет, выпьем и, разумеется, на твой счет.

Мелузов. Ну, уж извините! На этом поприще я вам не товарищ, я не пью.

Трагик. Саша, Саша! Александра! К нам, к артистам, в храм муз, кого ты водишь с собой!

Мелузов. Да пойдемте! Вы будете пить вино, а я стакан воды выпью.

Трагик. Пошел ты к черту! Уберите его! (Опускает голову.) Где мой Вася?

Входят Дулебов, Великатор, Бакин, Вася, за ним лакей из буфета с бутылкой портвейна и рюмками; несколько лиц из публики, которые остаются в глубине сцены.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дулебов садится на скамейку с правой стороны, с ним рядом садится Смельская, неподалеку от них Мелузов и Негина; к ним подходят с левой стороны Великатор и

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Бакин. Трагик сидит в прежнем положении, к нему подходит Вася и лакей из буфета, который ставит бутылку и рюмки на стол и отходит к стороне. Публика частисто стоит, а частисто садится за столики в глубине. Потом Мигаев.

Вася (трагику, наливая рюмку вина). Покорнейше прошу, пожалуйте!

Трагик. Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйте!» Скажи: пей! Видишь, как просто – всего только одно слово; а какая мысль глубокая.

Из театра выходит Мигаев.

Негина. Гаврило Петрович, пожалуйте сюда!

Мигаев (подходя к Негиной). Что вам угодно?

Негина. На сцене вы всё бегали от меня; я желаю теперь поговорить с вами здесь, при посторонних.

Мелузов. Да, интересно будет выслушать от вас мотивы ваших поступков.

Мигаев. Каких поступков-с?

Мелузов. Вы назначили бенефис Александры Николаевны в самом конце ярмарки.

Мигаев. Самое лучшее время-с. По контракту я обязан дать бенефис госпоже Негиной во время ярмарки; но там не сказано, в начале или в конце; это уж мое дело-с.

Мелузов. Вы стоите на почве закона; это я понимаю. Но, кроме закона, существуют еще для человека нравственные обязанности.

Мигаев. Это какие же такие-с, и к чему весь этот разговор?

Мелузов. А вот послушайте: вы отодвинули бенефис до последнего дня, поздно выпустили афиши и не дали Александре Николаевне сыграть перед бенефисом. Это ваши поступки.

Мигаев. Точно так-с.

Мелузов. Но Александра Николаевна этого не заслужила, потому что в продолжение ярмарки доставляла вам всегда полные сборы, чего другие не делали. Вот и потрудитесь оправдать свое поведение.

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Сколько мне известно, вы у нас в театре не служите; а посторонним я в своих делах отчета не даю-с.

Дулебов. Разумеется. Что за допрос! Он хозяин в театре, он поступает, соображаясь с своими расчетами и выгодами.

Мелузов. Тем не менее такие поступки называются неблаговидными, и господин, позволяющий себе подобный образ действий, не имеет права считать себя честным человеком. О чем я и имею честь объявить вам перед публикой. И затем мы считаем себя удовлетворенными.

Мигаев. Как вам угодно-с, как вам угодно-с, мне все равно. У публики вкусы разные, на всех не угодишь: вам мои поступки не нравятся, а князь их одобряет.

Мелузов. Какое мне дело до князя! Нравственные-то законы для всех одинаковы.

Мигаев подходит к князю.

Бакин. Вот охота людям даром терять красноречие, проповедовать Мигаеву об честности! Уж это очень наивно. Честность он давно считает предрассудком, и для него разницы между честным и бесчестным поступком не существует, пока его не побили. А вот плюхи две-три влетит, тогда он задумается: должно быть, мол, я какую-нибудь мерзость сделал, коли меня бьют.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Трагик. Да и влетит, и дождется, уж это я ему давно пророчу.

Мигаев (подойдя к Негиной). Значит, вы, госпожа Негина, изволите быть на меня в претензии?

Негина. Конечно. И вы еще спрашиваете.

Мигаев. В таком случае, что же вас заставляет служить у меня? Контракт ваш кончается.

Негина. Да, но ведь вы сами просили, чтоб я его возобновила.

Мигаев. Извините, передумал-с. По требованию публики должен на ваше место пригласить другую артистку.

Негина стоит в изумлении.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Вы должны были предупредить меня заранее; у меня были приглашения от других антрепренеров, я всем отказывала, я верила вашему слову.

Мигаев. Словам-то вы напрасно верите. Мы за каждое свое слово отвечать никак не можем, — мы зависим от публики и должны исполнять ее желания.

Негина. Куда же мне теперь, я и не знаю; вы меня поставили в такое положение...

Мигаев. Виноват-с. С другой бы артисткой я так и не сделал; но вы такой талант, для вас никакого ущерба не будет, вас везде примут с радостью.

Негина (сквозь слезы). Вы еще смеетесь надо мной... Но хорошо еще, что вы мне это сказали накануне моего бенефиса... я завтра прощусь с публикой... которая меня так любит... Надо напечатать, что я играю в последний раз.

Вася. Мы и без афиш везде разблаговестим.

Негина (Великатору). Вы, Иван Семеныч, не уедете до завтра?

Великатор. Нет, еще не уеду-с.

Негина. Значит, будете в театре?

Великатор. Непременно.

Бакин. Только вы этого на свой счет не принимайте: он остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дела — есть в виду какая-то операция.

Великатор. Действительно есть. Эта операция не секрет, господа; я ее не скрою от вас; я хочу купить бенефис у Александры Николаевны. Может быть, и наживу что-нибудь.

Негина. Как? Вы хотите купить мой бенефис? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмешка надо мной?

Великатор. Нисколько не шучу. Как вы цените ваш бенефис, что вам угодно получить за него?

Негина. Я ни во что его не ценю, он ничего не стоит. Дай бог, чтобы убытку не было.

Вася. Напрасно изволите беспокоиться, ваш бенефис очень можно купить-с.

Великатор. Сколько может получить бенефициант, если театр полон и цены большие? Ведь брал же кто-нибудь очень хорошие бенефисы?

Трагик (ударяя кулаком по столу). Я.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Вася. Мы с ним в начале ярмарки триста пятьдесят рублей взяли.

Великаторов. Угодно вам получить триста пятьдесят рублей?

Негина. Я не могу; это очень много, это подарок... я не желаю получать подарков,
это не в моих правилах.

Великаторов. Как приятно слышать такие речи от молодой артистки! Сейчас видно, что
у вас есть хороший руководитель, человек с честными, благородными убеждениями.

Вася. Да ничего не дорого, Александра Николаевна, помилуйте-с! Уж коли Иван
Семеныч берутся за это дело, так у вас завтра вся ярмарка будет. Я пятьдесят
рубликов накину; угодно взять четыреста рублей?

Великаторов. Нет, извините, я не уступлю, я предлагаю Александре Николаевне пятьсот
рублей.

Вася. Шабаш, дальше не пойду; цена настоящая.

Негина. Да что вы делаете, господа? Ведь у меня бенефис половинный, да еще
расходы.

Вася. В убытке не будем-с; люди коммерческие; завтра к одиннадцати часам ни
одного билета не останется. (Великаторову.) Позвольте в долю войти! Пожалуйте два
бельэтажа и дюжину кресел!

Великаторов. Возьмите у кассира да скажите ему, чтобы он деньги за билеты, которые
продал, и все оставшиеся билеты, исключая верхних, доставил мне сейчас же! Я
здесь подожду.

Вася. Хорошо, я скажу-с. Извольте получить за два бельэтажа и двенадцать кресел.
(Отдает деньги.)

Великаторов (принимая деньги). Тут сто рублей.

Вася. Так точно, в расчете-с. Позвольте, тут наших есть человека четыре, так,
может, найдутся охотники; я сейчас сбегаю. (Уходит в глубь сцены.)

Великаторов. Я еще не получил вашего согласия, Александра Николаевна.

Негина (Мелузову). Как мне поступить, Петр Егорыч! Я не знаю; как вы скажете,
так я и сделаю.

Мелузов. И я не знаю: я в таких вопросах не компетентен. Покуда, кажется, все в
законных формах. Соглашайтесь.

Негина (Великаторову). Я согласна, благодарю вас.

Великаторов. Благодарить не за что, я наживу деньги: я должен вас благодарить.

Мигаев (Дулебову). А вы, ваше сиятельство, пари предлагали.

Дулебов. Ну, кто же мог ожидать. Это совсем особенный случай.

Бакин (Великаторову). Мне билетик оставьте! Любопытное это будет зрелище.

Вася возвращается.

Вася. Билеты и деньги кассир сейчас принесет, только кассу подсчитает. Я еще
взял десять кресел по пяти рублей. Извольте получить. (Отдает Великаторову 50
рублей.)

Великаторов. Не дорого ли это?

Вася. Ничего не дорого; сейчас четыре билета по пяти рублей продал, а завтра у
меня пойдет первый ряд по десяти, да на подарок беру по десяти рублей с рула.

Дулебов. Уж это надо быть совсем дураком, чтобы в провинциальном театре платить
Страница 29

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
по десяти рублей за кресло.

Вася. Да уж в первом-то ряду, ваше сиятельство, у кассира только одно место осталось.

Дулебов. В таком случае, Иван Семеныч, оставьте его за мной.

Великатор. За десять рублей, князь?

Дулебов. Что ж делать, коли все с ума сошли.

Вася. Ну, Гаврило Петрович, закрывай лавочку! Как Александра Николаевна уедет, тебе больше не торговать! Баста! Калачом в театр не заманишь. Так ты и ожидай!

Негина. Дайте мне пальто, Петр Егорыч! До свиданья, господа! Благодарю вас! Вы меня утешили, а уж я плакать собиралась, право, господа, так обидно...

Мелузов подает ей пальто, Негина надевает его.

Трагик. Вася, спрашивай шампанского!

Вася. Да разве нужно?

Трагик. Да как же, чудак; ты поступил благородно, так надо тебя поздравить, братец.

Вася. Так давно бы ты сказал. Человек, бутылку шампанского!

Негина. Прощайте, господа!

Великатор. Позвольте вам предложить мою коляску.

Смельская. Предлагаете коляску и себя, конечно, в провожатые?

Великатор. Нет, зачем же! Александра Николаевна поедет с своим женихом. (Мелузову.) Кстати уж и вас кучер завезет домой; а потом вы его пришлите.

Мелузов. Обо мне-то уж ваши заботы я считаю, извините, лишними. (Закутывается пледом. Великатор ему помогает.) Вы напрасно беспокоитесь, я привык обходиться без чужой помощи. Это мой принцип.

Великатор. Но его трудно выдержать: без взаимной помощи люди не обходятся.

Негина (Великатору). Вы такой благородный человек, такой деликатный... Я вам так благодарна, я не знаю как и выразить... Я вас поцелую завтра.

Великатор. Очень буду счастлив.

Смельская. Завтра? Это долго ждать. (Дулебову.) Князь, а я вас поцелую сегодня, сейчас.

Дулебов. Готов служить, моя прелесть. Распоряжайтесь мной как угодно!

Смельская целует Дулебова.

Негина. Ну, прощайте, господа, прощайте! (Посыпает рукой поцелуи.)

Трагик. Офелия! о нимфа! помяни меня в твоих святых молитвах.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЛИЦА:

Негина.

Домна Пантелеевна.

Великатор.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Бакин.

Мелузов.

Нароков.

Вася.

Трагик.

Матрена, кухарка Негиной.

Декорация первого действия. Вечер, на столе две свечи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрена, потом Домна Пантелеевна.

Матрена (у двери). Кто там?

За сценой голос Домны Пантелеевны: «Это я, Матрена!»

Сейчас отпираю.

Входит Домна Пантелеевна.

Киатра-то разошлась?

Домна Пантелеевна. Нет еще, не совсем, с полчаса пройдет. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша приедет, так чтобы ей не дожидаться. Самовар-то готов у тебя?

Матрена. Развела, гляди, зашумит скоро.

Домна Пантелеевна. А зашумит, так прикрой.

Матрена. Что его прикрывать-то! Наш самовар и зашумит, так не скоро кипеть-то сберется; уж он поет-поет на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, так он хуже, ровно тебе на смех. У меня с ним браны немало бывает.

Домна Пантелеевна. Измучилась я в театре-то; жара, духота, радехонька, что выкатилась.

Матрена. Да, вестимо, летнее дело в четырех стенах сидеть, а народу, поди, много?

Домна Пантелеевна. Полнехонек театр, как есть; кажется, яблоку упасть негде.

Матрена. Ишь ты! Чай, в ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелеевна. Всего было. Поди-ка погляди самовар-то да сбери в ее комнате! Постой-ка, кто-то подъехал. Саше бы еще рано.

Матрена отворяет дверь, входит Великаторв. Матрена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Домна Пантелеевна и Великаторв.

Великаторв. Здравствуйте, Домна Пантелеевна!

Домна Пантелеевна. Здравствуйте, Иван Семеныч! Что это вы вздумали...

Великаторв. Дело есть, Домна Пантелеевна.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Домна Пантелеевна. Так до завтра бы. А то поздно, неловко как-то, у нас об эту пору мужчины не бывают.

Великатор. Не беспокойтесь, Домна Пантелеевна, я Александру Николавну дожидаться не стану; а про нас с вами никто дурного не скажет.

Домна Пантелеевна. Ах вы, проказник!...

Великатор. Стало быть, тетенька, вам и опасаться нечего.

Домна Пантелеевна. Да какая я вам тетенька?

Великатор. А что ж, разве бы я в племянники вам не годился?

Домна Пантелеевна. Да уж чего еще лучше! Совсем молодец, поискать этакого красавца!

Великатор. А я вам, Домна Пантелеевна, деньги привез за бенефис.

Домна Пантелеевна. Вот благодарю, вот уж покорно благодарю! Самое это для нас нужное, самое необходимое; потому, Иван Семеныч, первое дело: долги. Как без них проживешь? Возможно ли?

Великатор. Невозможно, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Все мы люди.

Великатор. Все люди, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Они, долги-то, у нас хотя и маленькие, а все-таки, ежели который человек с совестью, так беспокойство.

Великатор. Беспокойство, Домна Пантелеевна, беспокойство. (Передавая пакет с деньгами.) Вот, отдайте Александре Николавне.

Домна Пантелеевна. Благодарны, оченно вами благодарны, Иван Семеныч! Чаю не прикажете ли?

Великатор. Покорно благодарю; не могу, увольте от чаю, Домна Пантелеевна! Как-то в душу ничего не идет, особенно чай; так все словно тоска какая-то, Домна Пантелеевна, все словно я не в себе.

Домна Пантелеевна. Пахондрия.

Великатор. Действительно, Домна Пантелеевна, пахондрия.

Домна Пантелеевна. Денег много, а дела нет, вот она и привязывается.

Великатор. Как раз угадали; от этого от самого.

Домна Пантелеевна. А то отчего ж бы вам тосковать-то.

Великатор. Это точно, что не от чего. А тоскую, Домна Пантелеевна, вот и мечешься на ярмарке-то из трактира в трактир. Поверите ли, вот уж другую неделю все два раза в день пьян... Так думаю, Домна Пантелеевна: либо это на меня напущено, либо уж Богу так угодно.

Домна Пантелеевна. Одиночество.

Великатор. Одиночество, Домна Пантелеевна; золотые ваши слова; и разговору больше нет, что одиночество.

Домна Пантелеевна. Изберите подругу жизни!

Великатор. Где взять прикажете?

Домна Пантелеевна. Женитесь, возьмите барышню хорошую; за вас всякая пойдет, хоша бы самого высокого рода.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Великатор. Боюсь, тетенька.

Домна Пантелеевна. Что вы, помилуйте, чего бояться, что тут страшного?

Великатор. Скучнее станет.

Домна Пантелеевна. Ах, нет, это вы напрасно. Как же можно! Совсем разница женатый человек, нежели холостой.

Великатор. На фортепианах они очень любят играть; а я этого терпеть не могу.

Домна Пантелеевна. Все-таки музыка. Ну, а холостому какое удовольствие? Окромя, что выпить с приятелями, никакой ему другой радости нет в жизни.

Великатор. А хозяйство, Домна Пантелеевна? Как вы об этом скажете?

Домна Пантелеевна. Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведет...

Великатор. За мной этот грех водится. У меня в деревне домик хороший, комнат в сорок, лошадей довольно, садик разведен чуть не на версту, с беседками, с прудами...

Домна Пантелеевна. Значит, все заведение вполне, как следует быть у хорошего помещика?

Великатор. Все вполне, Домна Пантелеевна. Коли скучно, выдешь на крыльцо, индейские петухи по двору ходят, все белые.

Домна Пантелеевна. Белые! Ах, скажите, пожалуйста!

Великатор. Закричишь им: «Здорово, ребята!» Они тебе отвечают: «Здравия желаем, ваше благородие!»

Домна Пантелеевна. Приучены?

Великатор. Приучены. Ну, и утешаешься. По крышам, по заборам павлины сидят, хвосты-то на солнышке так и играют.

Домна Пантелеевна. И павлины? Ах, батюшки мои!

Великатор. Выдешь в парк погулять, по озеру лебеди плавают, все парочками, все парочками, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Да неужто лебеди? Вот рай-то! Хоть бы глазком взглянула.

Великатор (взглянув на часы). Так мы хорошо, приятно с вами, тетенька, разговорились, что расставаться не хочется; поговорил бы и еще, да некогда, извините, дело есть.

Домна Пантелеевна. Уж и я бы поговорила, такой вы для меня приятный... Этакого милого, обходительного человека я и в жизнь не видывала...

Великатор. От бенефиса вашего я, Домна Пантелеевна, деньги нажил, так позвольте вам подарочек предложить. (Уходит в переднюю и выносит сверток в бумаге и подает Домне Пантелеевне.)

Домна Пантелеевна. Что же это такое?

Великатор. Платочек.

Домна Пантелеевна (развернув бумагу). Да какой платочек, помилуйте – скажите, это целая шаль, я сроду такой и не нашивала. Да сколько ж она стоит-то?

Великатор. Не знаю, мне даром досталась, у купца у знакомого взял по-приятельски.

Домна Пантелеевна. Батюшка, да за что же это? Право, уж я и не знаю, что мне... Да

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
уж я вас поцелую, уж позвольте, родной мой... душа моя не вытерпит.

Великата. Сделайте одолжение, сколько вам угодно.

Домна Пантелеевна целует его.

Прощайте! Александре Николавне засвидетельствуйте мое почтение. Может быть, не увидимся. (Уходит.)

Домна Пантелеевна провожает его в переднюю, потом возвращается.

Домна Пантелеевна. Откуда этакие люди берутся! Батюшки мои! (Надевает платок.) да я его и не сниму теперь. (Смотрит в зеркало.) Барыня, ну как есть барыня! Вот человек-то! А то что у нас за люди! Не глядели б глаза мои на них. Ведь вот есть же люди. (Прислушивается.) Кто там еще?

Входит Нароков с венками и букетами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Домна Пантелеевна и Нароков.

Нароков. Вот бери, на! Вот лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелеевна. Эка невидаль! Куда нам эти веники-то! На что они!

Нароков. Невежество! Эти венки – знак восторга, знак признательности таланту за счастье, которое он доставляет. Лавры – это диплом на почет, на уважение.

Домна Пантелеевна. Сколько небось истрачено на этот хворост! Лучше бы деньгами. Деньгам-то уж мы бы место нашли, а этот ворох... куда его? В печку, только и всего.

Нароков. Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелеевна. Ну да, как же, нужно очень всякий хлам беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вот смотри! (Показывает ему шаль и поворачивается перед ним.) Вот это подарок! Мило, прелестно, деликатно.

Нароков. Ну, всякому свое, я тебе не завидую; вот дочери твоей завидую. Я себе несколько листиков на память возьму. (Отрывает несколько листков.)

Домна Пантелеевна. Да хоть все бери, не заплачу.

Нароков (вынимает из кармана лист бумаги). А вот это передай Александре Николавне.

Домна Пантелеевна. Что еще? Записка от кого-нибудь? Уж и так надоели с этими глупостями.

Нароков. Это от меня... это стихи... И я в Аркадии родился.

Домна Пантелеевна. Где, Прокофьевич, где?

Нароков. Далеко: ты там не бывала и не будешь никогда. (Показывает Домне Пантелеевне стихи свои.) Вот видишь, бордюрчик: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вот: пчелка сидит, бабочка летает... Я целую неделю рисовал.

Домна Пантелеевна. Так ты бы сам и отдал.

Нароков. Стыдно. Вот смотри! (Указывает на свою голову.) Седая, лысая! А тут чувства молодые, свежие, юношеские, вот и стыдно. Вот, отдай! Да только ты не брось! Ведь ты грубая женщина, в тебе чувства нет. Для вас, грубых людей, удовольствие бросить, растоптать ногами все нежное, все изящное.

Домна Пантелеевна. Да ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всем таким быть.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Вот положи на стол; она приедет и увидит.

Нароков (кладет бумагу на стол). Да, я чувствительный. Прощай! (Уходит.)

Домна Пантелеевна. Вот сумасшедший-то! А ничего, добрый, я его не боюсь. Другие
хуже чудят: кто посуду бьет, кто на людей мечется, кусается; а этот смирный.
Подъехал кто-то. Вот Саша, должно быть. (Идет к двери.)

Входит Негина с букетом и коробочкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Домна Пантелеевна и Негина.

Негина (кладет букет и коробочку на стол). Ох, устала! (Садится у стола.)

Домна Пантелеевна. Извозчика-то отпустить?

Негина. Нет, зачем! Я вот отдохну, да прокатиться поедемте, подышать свежим
воздухом. Еще не поздно. Ведь он на весь вечер нанял.

Домна Пантелеевна. И то, что ж, пусть подождет, не задаром же деньги-то платить!

Негина. Что это на вас за шаль?

Домна Пантелеевна. Великатор подарил; от бенефиста, говорит, деньги нажил. А что,
хороша?

Негина. Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелеевна. Он говорит, что даром досталась.

Негина. Верьте вы ему! Он все так говорит. Так он был здесь?

Домна Пантелеевна. Да, заезжал и деньги привез.

Негина. Что ж он со мной не повидался?

Домна Пантелеевна. Не знаю, торопится куда-то, уж не уезжает ли.

Негина. Может быть. Какой он странный, не поймешь его никак. (Задумчиво.) А вот
этакий мужчина, кабы захотел, кажется, сразу мог бы увлечь женщину.

Домна Пантелеевна. Ну, да что уж толковать! Да и не осудишь женщину-то. Как ее
осудить! Сердце-то не камень: а таких молодцов немногого, пожалуй, другого-то
такого и всю жизнь не встретишь. Смиренничай да смиренничай – и проживешь всю
жизнь так, ни за что; и вспомянуть будет нечем. Он мне про свою усадьбу
рассказывал. Какое у него хозяйство диковинное!

Негина. Что ж мудреного; он очень богат.

Домна Пантелеевна. Ты чаю не хочешь ли?

Негина. Нет, погодите немногого. (Взглянув на стол.) А это что такое?

Домна Пантелеевна. Это Прокофьевич принес тебе на знак памяти.

Негина (рассматривая бумагу). Ах, как мило! Какой он добрый, милый старик!

Домна Пантелеевна. Да, добрый, хороший человек; да вот опанкрутился и свихнулся.
Ну, как же мы с тобой теперь об деньгах рассудим?

Негина. Что рассуждать-то! Прежде всего надо долги заплатить, а что останется,
на то и жить.

Домна Пантелеевна. Да немного останется-то, не разживешься.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Негина. Да, теперь труднее будет, без жалованья-то. А куда поедешь, кого я знаю?
Опять же гардеробу у меня нет.

Домна Пантелейвна. Сотни две, а то и полторы, больше не останется, вот ты их и повертишь, как знаешь. Надо на них все лето прожить. По три денежки в день, куда хочешь, туда день. Осенью-то нас в Москву зовут, там актрисы нужны стали.

Негина. Бросить разве сцену да выйти замуж, – так Петр Егорыч еще места не нашел. Кабы работать что-нибудь.

Домна Пантелейвна. Ну вот еще, бросить сцену! Ты вот в один день получила, чего в три года не выработаешь.

Негина. Много мы получаем, да и проживать много надо.

Домна Пантелейвна. Эх, как ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша с тобой не сладка. Уж, признаться сказать, надоело нищенство-то.

Негина. Надоело... да... надоело... Я думала, думала, да уж и думать перестала. Ну, утро вечера мудренее, завтра потолкуем.

Домна Пантелейвна. Само собой: а теперь давай чай пить. (Прислушивается.) Кого еще бог несет?

Входит Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Негина, Домна Пантелейвна и Бакин.

Бакин. Я к вам чай пить, Александра Николавна!

Негина. Ах, извините, я не могу вас принять, я очень устала, мне надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Бакин. Ну, полчаса, ну что такое полчаса!

Негина. Право, не могу, я так измучена.

Бакин. Ну, я зайду минут через десять или через четверть часа, вы успеете отдохнуть.

Негина. Нет, нет, сделайте одолжение! Завтра приезжайте, ну когда хотите, только не сегодня.

Бакин. Александра Николавна, я как-то не люблю изменять свои намерения, мне всегда хочется исполнить то, что я задумал, и с моей настойчивостью мне удается.

Негина. Очень рада, что вам удается, но, извините, я вас оставлю, я очень устала.

Бакин. Ну, уходите, а я здесь останусь, в этой комнате, я вот на этом стуле всю ночь просижу.

Негина. Ну, перестаньте шутить! Довольно уж.

Бакин. Не верите? Так я вам докажу, я человек решительный.

Домна Пантелейвна. И я, батюшка, женщина решительная, я ведь и караул закричу.

Бакин (Негиной). Послушайте, вы боитесь, что меня у вас застанет кто-нибудь?

Негина. Никого и ничего я не боюсь.

Бакин. Все ваши обожатели теперь ужинают в вокзале, и князь, и Великатор, и Смельская с ними, и просидят там до утра.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Негина. Да что мне за дело!

Бакин. А жених ваш спит, вероятно; да я и не верю, что вы его любите.

Негина. Ах, боже мой, это невыносимо! Я вас и не уверяю ни в чем.

Бакин. Вы его держите при себе только для защиты от ухаживанья, а понравится вам кто-нибудь, ведь вы его бросите, это всегда так бывает.

Негина. Ну, хорошо, хорошо.

Бакин. Вы уж очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Перед вами человек образованный, обеспеченный... Что я не ухаживаю за вами, не говорю нежностей, не объясняюсь в любви, так это не в моих правилах. Мы не дети, зачем нам притворяться! Будем говорить, как совершеннолетние.

Негина. Прощайте. (Уходит.)

Домна Пантелеевна. Ну, батюшка, поговорили, да и будет. Пора людям покой дать! А то, коли хотите разговаривать, так говорите со мной, я за словом в карман не полезу.

Бакин (громко). А я все-таки еще зайду. (Уходит.)

Домна Пантелеевна. Запру сени, уж теперь никого не пущу, хоть умирай там.
(Уходит.)

За сценой слышен крупный разговор. Выходит Негина.

Негина. Что там такое?

Входит Домна Пантелеевна, Вася с бутылкой шампанского и Трагик.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Домна Пантелеевна, Вася и Трагик.

Домна Пантелеевна. Вот беспутные, право, беспутные! Насильно вломились, никаких резонтов не слушают.

Вася. Да нельзя, Домна Пантелеевна, надо же за здоровье Александры Николаевны выпить; уж миновать этого дела никак невозможно. А что ж такое! мы честно, благородно, со всем нашим уважением! Никакого безобразия, помилуйте!

Трагик. Еще бы! Коли я тут.

Негина. Да напрасно вы беспокоитесь, я пить не стану.

Вася. Это как вам угодно-с. Нам больше останется, мы и одни выпьем. (Кричит за перегородку.) Милая, умница, дай-ка стаканчиков!

Домна Пантелеевна. Да давай уж, я откупорю. (Берет бутылку и уходит.)

Трагик (Негиной). Ты говоришь, что пить не станешь; а вот я посмотрю, как ты у меня не выпьешь!

Вася. Неволить не надо-с.

Трагик. Я неволить не стану, я буду просить.

Выходит Домна Пантелеевна, ставит бутылку и стаканы на стол.

Вася (наливает). С вас и начинать, по старшинству-с.

Домна Пантелеевна. Не знаю, пить ли, боюсь, захмелею.

Вася. А что ж такое! чего бояться-то? Дело к ночи-с. Хоть и захмелеете, не

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru велика беда. Мы вот с ним этого не боимся.

Домна Пантелеевна (берет стакан). Ну, Саша, поздравляю тебя! (Пьет.)

Вася (подносит стакан Негиной). Теперь позвольте вас просить.

Негина. Уж я сказала, что не буду пить.

Вася. Нельзя-с, за что ж обижать? Мы со всем расположением. Хоть половину-с!

Трагик (падая на колени.) Саша, Александра! Ты смотри, кто тебя просит! Смотри, кто у ног твоих! Громилов, сам Ераст Громилов!

Негина. Ну, извольте, я немного выпью; только уж больше ни за что не стану. (Пьет.)

Вася (помогая трагику подняться). Сколько угодно-с. (Берет стакан.) Остальное мы допьем и ваши мысли узнаем. (Наливает стаканы.) Теперь мы выпьем-с. (Подает стакан трагику.)

Трагик. Поздравляй за двоих, у меня сегодня красноречие не в порядке.

Вася. Честь имею поздравить-с с успехом-с. Сто лет жизни и миллион денег-с! (Чокаются с трагиком и пьют.)

Трагик (подавая стакан). Наливай еще! (Вася наливает, трагик пьет.) Вся?

Вася (показывая бутылку). Вся.

Трагик. Ну, поедем!

Вася (Негиной). Прошенья просим! Пожалуйте ручку-с! Извините за невежество-с. Спасибо этому дому, теперь пойдем к другому.

Уходят.

Домна Пантелеевна. Вот путаники! Точно их вихрем по городу-то носит. Теперь уж запру, одолели. (Уходит и скоро возвращается.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Негина, Домна Пантелеевна.

Домна Пантелеевна. Ну, уж теперь давай чай пить!

Негина. Я выпью с удовольствием.

Домна Пантелеевна (у перегородки). Матрена, налей-ка нам по чашечке. (Негиной.) Дай-ка подарок-то!

Негина (подавая коробочку). Да ведь вы видели, серьги и брошка.

Домна Пантелеевна. Да я убрать хочу. Ведь тоже не малых денег стоит. (Прячет в карман.) Тем эти вещи хороши, приятны, что, случись нужда, сейчас и заложить можно. Не то что вот эти веники.

Матрена приносит две чашки чаю и уходит.

Негина (прихлебывая чай). А какой мне букет Великатор поднес. Посмотрите!

Домна Пантелеевна. Ну, что букет! Букет как букет. Даром деньги брошены, я так считаю. (Пьет чай.)

Негина. Нет, вы посмотрите! Цветы все дорогие, и где он их взял?

Домна Пантелеевна (рассматривая букет). Да, хорош, уж нечего сказать. (Находит записку.) А это что ж такое?

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Негина (читает про себя записку). Ах, ах!

Домна Пантелеевна. Что такое?

Негина (хватаясь за голову). Ах, нет, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. (достает из кармана записку.) Это от Петра Егорыча, он мне на подъезде дал. (Читает про себя.)

Домна Пантелеевна. Читай вслух! что еще за секреты от матери!

Негина (читает.) «да, милая Саша, искусство не вздор, я начинаю понимать это. Сегодня в игре твоей я нашел так много теплоты и искренности, что, просто тебе сказать, пришел в удивление. Я очень рад за тебя. Это редкие и дорогие качества души. После спектакля у тебя, вероятно, будет кто-нибудь; при твоих гостях я всегда чувствую что-то неприятное, не то смущение, не то досаду, и вообще мне как-то неловко. Все они смотрят на меня или враждебно, или с насмешкой, чего я, как ты сама знаешь, не заслуживаю. По всем этим соображениям я после театра к тебе не зайду, но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбери в ваш садик, я там подожду тебя. Конечно, я мог бы зайти к тебе и завтра утром; но извини, душа полна через край, сердце хочет перелиться...» (Отирает слезы.)

Домна Пантелеевна. Ну-ка, прочти другое-то!

Негина. Да нет, маменька, не нужно, стыдно!

Домна Пантелеевна. Ну, вот еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записок, которые читать стыдно, да ведь читаешь ты их мне.

Негина. Ну, мама, соберись с силами. (Читает.) «я полюбил вас с первого взгляда. Видеть и слышать вас для меня невыразимое наслаждение. Извините, что я объясняюсь с вами на письме; по врожденной робости я никогда не осмелился бы передать вам мои чувства словами. Теперь мое счастье от вас зависит. А счастье мое, о котором я мечтаю, обожаемая Александра Николавна, вот какое: в моей усадьбе, в моем роскошном дворце, моих палатах есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная с меня, рабски повинуется. Так проходит лето. Осенью мы с очаровательной хозяйкой едем в один из южных городов, она вступает на сцену в театре, который совершенно зависит от меня, вступает с полным блеском; я наслаждаюсь и горжусь ее успехами. О дальнейшем я не мечтаю, поживем – увидим. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговор мой я прочту завтра в ваших глазах, если вы меня примете; если же не примете, я с разбитым сердцем, но безропотно удалюсь, наказанный вашим презрением за мою дерзость. Ваш Великатор». (Сквозь слезы.) Мама, да что же это такое? Что он, противный, пишет? Кто ж это ему позволил?

Домна Пантелеевна. Что позволил?

Негина. Да так... полюбить меня.

Домна Пантелеевна. А разве на это спрашивается позволенье-то, глупая!

Негина. Так бы вот и убила его.

Молчание.

Домна Пантелеевна (в задумчивости). Лебеди... лебеди, говорит, плавают на озере.

Негина. Ах, да что мне за дело!

Молчание.

Домна Пантелеевна. Саша, Сашутка, ведь никогда еще мы с тобой серьезно не говорили; вот он серьез-то начинается. Живешь, бедствуешь, а тут богатство! Ах, батюшки мои, какая напасть? Вот соблазн-то, вот соблазн-то! Уж не дьявол ли он, прости господи, тут подвернулся? В самый-то вот раз... только что мы про свою нужду-то раздумывали. Ну, как есть дьявол. А уж что ласки-то в нем, что этой всякой добродетели! да давай же говорить о деле-то серьезно, вертушка!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Негина. «Серьезно», об таком-то деле серьезно! да за кого ж вы меня принимаете!
Разве это «дело»? Ведь это позор! Ты помнишь, что он-то говорил, он, мой милый,
мой Петь! Как тут думать, об чем думать, об чем разговаривать! А коли есть в
тебе сомнение, так возьми что-нибудь, да и погадай!. Ведь я твоя. Чет или нечет,
вот и конец. (Берет записку Мелузова.)

Домна Пантелеевна. Да что ты! как я могу!... Это твое дело. Да сохрани меня
Господи! Да меня бог и люди...

Негина (дочитывает записку Мелузова). «Но если ты найдешь минуты две-три
свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя». Ах, бедный, бедный! Как
я его мало любила! Вот когда я чувствую, что люблю его всей душой. (Берет письмо
Нарокова.) Ах, вот и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Уж так меня никто
любить не будет. Дайте-ка шаль! Я пойду.

Домна Пантелеевна. Куда ты? куда ты? что ты!

Негина. Ах, отстаньте, не ваше дело!

Домна Пантелеевна. Как не мое! да и ты-то моя.

Негина. Ну, я ваша, что хотите со мной делайте; да душа у меня своя. Я к Пете.
Ведь он меня любит, он меня жалеет, он нас с вами добру учил.

Домна Пантелеевна. Да как же дело-то? уж скажи что-нибудь!

Негина. Ах, дело, дело! Ну, завтра, завтра, оставим до завтра. А теперь не
мешайте мне. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и,
может быть, завтра уж не буду. На душе у меня теперь очень хорошо, очень честно,
не надо этому мешать.

Домна Пантелеевна. Ну, ну, как хочешь, как хочешь.

Негина (покрывааясь шалью). Я не знаю, может быть, сейчас ворочусь, может быть,
до утра... Но чтоб ни словом, ни взглядом...

Домна Пантелеевна. Да что ты, разве я не мать тебе, разве я не женщина! Не
понимаю я нешто, что мешать тебе нельзя; души, что ль, у меня нет?

Негина. Ну, я иду.

Домна Пантелеевна. Да постой, покрайся хорошенько, не простудись! Эко сердце-то у
тебя золотое. А я все-таки запирать не стану, буду чай пить да тебя поджидать.

Негина уходит. Домна Пантелеевна уходит за перегородку. Сцена несколько времени
пуста, потом входит Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бакин (один).

Бакин. Никого нет, и дверь не заперта, и какая-то тень проскользнула мимо меня –
это она; но куда, к кому? Если к жениху, так незачем, он сюда может прийти.
Вероятно, пошла погулять в сад, подышать свежим воздухом. Я ее здесь подожду;
ну, не прогонит же она, все-таки позволит хоть с полчаса посидеть. Я подержал
пари с Великаторовым, что буду у нее чай пить и просижу до утра. Проиграть не
хочется. Я хотел его уведомить, примет она меня или нет. А! так я вот что
сделаю, я пошлю кучера сказать, что я здесь остался. Если прогонит, то я
прощатаюсь где-нибудь до света. (Отворяет окно.)

В это время входят Мелузов и Негина, которая проходит за перегородку.

Иван, поезжай в вокзал, скажи, что я здесь остался.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Бакин и Мелузов.

Мелузов. Нет, вы не останетесь здесь. Велите кучеру подождать, вы сейчас выйдете! Что же вы? Ну, так я прикажу. (В окно.) Иван, останься! Барин сейчас выйдет.

Бакин. Какое право вы имеете распоряжаться в чужой квартире? Я вас не знаю и знать не хочу.

Мелузов. Нет, позвольте, зачем вы лжете? И лжете с дурным намерением. Вам хочется ославить девушку?

Бакин. «Ославить»? визит после театра разве значит «ославить»? Ну, что вы знаете!

Мелузов. Хорошо; да зачем посыпать кучера объявлять, что вы здесь остались?

Бакин. Вы посетитель района, разве вы можете понимать отношения между артистами и той публикой, которая занимает первые ряды кресел!

Мелузов. Я вот что понимаю: что вы, посетитель первого ряда кресел, уйдете отсюда, а я, посетитель района, останусь здесь.

Бакин. Вы здесь останетесь?

Мелузов. Да, останусь.

Бакин. Вот это хорошо! По крайней мере, я сделал открытие, которым могу поделиться...

Мелузов. С кем угодно.

Бакин. Впрочем, вы, может быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

Мелузов. Нет, уж будьте покойны, я останусь.

Входит Негина, одетая в пальто.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Бакин, Мелузов и Негина.

Негина (кладет Мелузову руку на плечо). Да, он останется.

Мелузов. Ну, теперь сомнения ваши кончились, значит, вам остается только одно...

Негина. Удалиться.

Мелузов. И чем скорее, тем лучше.

Бакин. Лучше, лучше! Я сам знаю, что мне лучше.

Мелузов. Нет, не знаете, вы мне не дали договорить. Скорее уйти вам потому лучше, что можете уйти в дверь, а если долго будете собираться, тогда отправитесь в пространство посредством окна.

Негина (обнимая Мелузова). Ах, милый!

Бакин. Ну, молодой человек, запомните вы это! (Уходит.)

Негина. Ах, милый Петя, голубчик мой, поедем сейчас кататься на всю ночь: лошади здесь.

Мелузов. Куда, Саша?

Негина. Куда хочешь, куда только тебе угодно, все, все в твоей воле вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы едем.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мелузов и Негина уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЛИЦА:

Негина.

Домна Пантелеевна.

Дулебов.

Смельская.

Великатор.

Бакин.

Мелузов.

Нароков.

Вася.

Трагик.

Обер-кондуктор.

Кондуктор.

Человек, служащий в вокзале.

Разного рода пассажиры и вокзальная прислуга.

Вокзал железной дороги, зала для пассажиров первого класса; направо (от актеров) дверь в виде арки, ведущая в другую залу; прямо стеклянная дверь, за ней видна платформа и вагоны; на середине, поперек комнаты, длинный стол, на нем приборы, бутылки, канделябры и ваза с цветами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трагик сидит у стола. Потом человек. С платформы слышны голоса: «Станция. Город Бряхимов, поезд стоит двадцать минут, буфет»; «Бряхимов! Поезд стоит двадцать минут».

Трагик. Где мой Вася? Человек! (Стучит по столу.)

Человек входит.

Человек. Что прикажете?

Трагик. Где мой Вася?

Человек. Да помилуйте, который раз уж вы спрашиваете! Почем же мы знаем.

Трагик. Ну, так поди вон, братец!

Человек уходит.

Где мой Вася?

Входит Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик и Вася.

Вася. Ну, вот Вася, ну, что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Вот еще! Стало быть, дело есть. Ты говори, что тебе нужно!

Трагик. Чего мы, братец, с тобой сегодня не пили?

Вася. Чего? да уж, кажется, все, кроме купоросу. А вот что! довольно бы, перегодим!

Трагик. Да ты любишь меня или нет?

Вася. Ну, вот еще разговаривать-то.

Трагик. За что ты меня любишь?

Вася. За то, что у нас в доме безобразие, а ты талант. Ну, и кончен разговор. Только послушай! что все вино да вино! Дадим ему отдохнуть немножко.

Трагик. Ну, пусть его отдохнет.

Вася. Я приказчика отправляю в Харьков, так нужно растолковать ему все как следует. Пойдем в третий класс, разгуляйся малость!

Трагик. Ну, пойдем. (Встает.)

Идут к двери, навстречу им из другой залы выходят Нароков и Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трагик, Вася, Нароков и Мелузов.

Нароков (останавливая Васю). Постойте, постойте! Вот вам мои часы. (Снимает с себя карманные часы и отдает Васе.)

Вася. Да на что мне твои часы, Мартын Прокофьевич?

Нароков. Дайте мне десять рублей, дайте, прошу вас.

Вася. Да часов-то твоих не надо, чудак человек.

Нароков. Сделайте милость, сделайте милость! мне крайность.

Вася. А коли крайность, я тебе и так поверю.

Нароков. Не надо, не надо. Возьмите часы: я их выкуплю, они дорогие; я их скоро выкуплю.

Вася. Да на что тебе деньги? Скажи, открайся!

Нароков. Ах, за что вы меня мучаете? Скажите мне, дадите вы или нет?

Вася. Любопытно, братец, что у тебя за дела, что за коммерция.

Нароков. Извините, что побеспокоил. Не надо мне.

Вася. Да изволь, изволь. (Прячет часы в карман и достает из бумажника деньги.) На вот, получай! Процентов не возьму, не бойся.

Нароков (берет деньги и жмет руку Васе). Благодарю вас, благодарю, вы меня выручили.

Вася и Трагик уходят в другую залу.

Мелузов. Их нет и здесь; вы ошиблись, должно быть.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Нароков. Нет, знаю, знаю, да и сердце мне говорит, что она уезжает. Вы видите, что я еще не могу прийти в себя.

Мелузов. Да, невероятно. Зачем же ей скрывать от меня, зачем меня обманывать! Сегодня утром я получил от нее записку вот какого содержания. (Вынимает записку и читает.) «Петя, нынче ты не приходи к нам, сиди дома, жди меня, я сама зайду к тебе вечером».

Нароков. Да, непонятно; но они уезжают, это верно. Я заходил к ним, меня не пустили. Вышла Домна Пантелеевна и закричала на меня: «Не до тебя нам, не до тебя, мы сейчас едем на железную дорогу». Я видел чемоданы, саквояжи, узлы... Я побежал к вам.

Мелузов. Пойдемте посмотрим в той зале, подождем их у входа.

Нароков. Я потерял память. Что же теперь, утро или вечер? Я ничего не знаю. Когда отходит поезд?

Мелузов. В семь часов вечера, еще минут двадцать осталось.

Нароков. О, так они еще приедут. Пойдем.

Уходят в другую залу.

Из стеклянной двери выходят Негина, на ней дорожная сумка, Домна Пантелеевна, Смельская, Дулебов, Бакин и Матрена с подушками и узлами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Негина и Смельская проходят вперед. Дулебов и Бакин садятся к столу. Матрена кладет узлы и подушки на диван подле двери. Домна Пантелеевна перебирает узлы в что-то прячет в них.

Смельская. Как ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Негина. Когда же мне было! Я сегодня получила телеграмму и сейчас же стала собираться.

Смельская. Если б мы с князем не заехали на вокзал, так бы ты и уехала, не простясь.

Негина. Мне некогда было: я ни с кем не простилась, я собралась вдруг и хотела написать вам из Москвы.

Смельская. Так ты в Москву едешь?

Негина. Да.

Смельская. На каких условиях?

Негина. Предлагают очень хорошие, но я еще не решилась, я тебе оттуда напишу.

Дулебов (Бакину). Мне представилось, что нынче должен отправиться Великатор, вот я и приехал захватить его; выпью, мол, с него бутылку шампанского в наказание за то, что он уезжает украдкой.

Бакин. И я за тем же.

Дулебов. Однако поезд уж пришел, а его нет еще, должно быть, остался в городе.

Бакин. Ведь эти господа миллионщики любят являться прямо к третьему звонку.

Смельская. (Негиной). А как же Петр Егорыч?

Негина. Ах, не говори об нем, пожалуйста!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Смельская. Ты ему сказала?

Негина. Нет, он не знает. Я боюсь, что он сюда приедет, уж ехать бы скорей.

Бакин. Вот и Иван Семеныч!

Из другой залы входят Великаторов и обер-кондуктор и останавливаются у двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Негина, Смельская, Дулебов, Бакин, Домна Пантелеевна, Матрена, Великаторов, обер-кондуктор, потом человек и кондуктор.

Обер-кондуктор (Великатору). Начальник станции приказал прицепить особый вагон с семейным отделением.

Великаторов. Да, это я его просил. (Кланяется Дулебову и Бакину.)

Бакин. Вы едете?

Великаторов. Нет, я провожаю Александру Николаевну и Домну Пантелеевну. (Обер-кондуктору.) Когда будет готово, так распорядитесь, чтобы перенесли эти вещи! Уж похлопочите, чтобы все было хорошо и удобно.

Обер-кондуктор. Будьте покойны.

Домна Пантелеевна. Иван Семеныч, взяли билеты-то?

Великаторов. Взял, Домна Пантелеевна, и всю кладь вашу сдал.

Домна Пантелеевна. Так дайте мне билеты-то, а то без билетов не пустят.

Великаторов. Я вам после отдам, когда будете в вагон садиться.

Домна Пантелеевна. Как бы не опоздать, Иван Семеныч; пожалуй, без нас уедут, у меня сердце не на месте.

Обер-кондуктор. Не беспокойтесь; я за вами приду и сам посажу вас, а уж без меня поезд не тронется. А за вещами я сейчас пришлю.

Домна Пантелеевна. Да уж пришлите, только кого понадежнее, чтобы все в сохранности.

Великаторов. Так вы распорядитесь!

Обер-кондуктор (прикладывая руку к шапке). Сейчас прикажу. (Уходит.)

Великаторов. Надо, господа, на проводах бутылочку выпить, я уж приказал подать. Александра Николаевна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Домна Пантелеевна. Да, уж перед отъездом всем нужно присесть. Матрена, и ты садись!

Все усаживаются у стола со стороны, противоположной арке. Человек входит с бутылкой шампанского, ставит на стол и уходит. Великаторов наливает вино в бокалы.

Великаторов (поднимая бокал). Счастливого пути, Александра Николаевна! Домна Пантелеевна!

Дулебов и Бакин привстают и кланяются.

Домна Пантелеевна. Счастливо оставаться, господа!

Смельская (целуя Негину). Желаю тебе счастья, Саша! Пиши, пожалуйста!

Входит кондуктор.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Кондуктор. Какие вещи прикажете брать?

Домна Пантелеевна. Вон, батюшка! Матрена, покажи ему, да поди за ним, пригляди
хорошенько.

Кондуктор забирает вещи.

Кондуктор!

Кондуктор. Что угодно?

Домна Пантелеевна. Ты подушки-то поосторожнее, там по полу не валяйте их!

Негина. Маменька!

Домна Пантелеевна. Что «маменька»! Прикажешь-то, так лучше. (Кондуктору.) Не
тробь этот мешочек-то, крайний-то! Говорю, не тробь, там баранки, еще
рассыплемся, пожалуй!

Дулебов и Бакин смеются.

Негина. Маменька!

Домна Пантелеевна. Да что! Понадейся на них!

Негина. Берите всё, берите всё!

На платформе звонок.

Домна Пантелеевна (быстро встает со стула). Ай! Поехали.

Великатор. Успокойтесь, Домна Пантелеевна, без вас не уедут.

Кондуктор. Это звонок третьему классу, еще времени много осталось. (Уходит.
Матрена за ним.)

Домна Пантелеевна. Напугали до смерти. Они этими звонками проклятыми всю душу
вымотают.

Входят из другой залы Нароков, за ним человек с бутылкой и Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелеевна, Великатор, Бакин, Дулебов. Нароков садится
на конце стола, к арке. Человек ставит перед ним бутылку, Мелузов
останавливается у двери.

Негина (подходит к Мелузову). Ни слова, ради бога, ни слова! Если только любишь
меня, молчи; я тебе после все скажу. (Отходит и садится на свое место.)

Нароков (человеку). Ты сомневался, ты сомневался, глядя на меня, заплачу ли я
тебе? Хорошо! ты хороший слуга! Вот тебе за добродетель награда! (Дает десять
рублей.) Получи за вино, а сдачу себе возьми!

Человек. Покорнейше благодарю-с! (Уходит.)

Мелузов садится рядом с Нароковым, который, налив бокалы себе и Мелузову,
встает.

Бакин. Спич, спич, господа! Послушаем.

Нароков. Александра Николаевна! первый бокал за ваш талант! Я горжусь тем, что
первый заметил его. Да и кому ж здесь, кроме меня, заметить и оценить дарование!
Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь... о,
проклятие!

Бакин. Запутался, Мартын Прокофьевич.

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Нароков (с сердцем). Нет, я не запутался. В робких шагах дебютантки, в первом, еще наивном лепете, я угадал будущую знаменитость. У вас есть талант, берегите его, растите его! Талант есть лучшее богатство, лучшее счастье человека! За ваш талант! (Пьет.)

Негина. Благодарю вас, Мартын Прокофьевич!

Бакин. Браво!

Дулебов. А он говорит довольно складно.

Нароков (Мелузову). Налейте мне и себе.

Мелузов наливает. Нароков поднимает бокал.

Второй бокал за вашу красоту!

Негина (встает). Ах, что вы! Зачем!

Нароков. Вы не признаете за собой красоты? Нет, вы красавица. Для меня, где талант, там и красота! Я всю жизнь поклонялся красоте и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! (Пьет и ставит бокал.) Теперь позвольте мне на прощанье поцеловать вашу руку! (Становится на колени перед Негиной и целует ее руку.)

Негина (сквозь слезы). Встаньте, Мартын Прокофьевич, встаньте!

Великатор. Довольно, Мартын Прокофьевич! Вы расстроиваете Александру Николаевну!

Нароков. Да; довольно! (встает делает несколько шагов к стеклянной двери и останавливается.)

В дверях из другой залы появляются обер-кондуктор, прислуга и несколько пассажиров.

Не горе и слезы,
Не тяжкие сны,
А счастия розы
Тебе суждены.
Те розы прекрасны,
То рая цветы.
И, верь, не напрасны
Поэта мечты.
Но в радостях света,
В счастливые дни,
Страдальца поэта
И ты вспомяни!
(Отходит к самой двери.)

Судьбою всевластной
Нешадно гоним,
Он счастлив, несчастный,
Лишь счастьем твоим.
(Идет к дверям.)

Великатор и Негина. Мартын Прокофьевич, Мартын Прокофьевич!

Нароков. Нет, довольно, довольно, больше не могу. (Уходит.)

Негина (знаком подзывает обер-кондуктора). Скажите, что пора ехать! Прошу вас.

Обер-кондуктор (взглянув на часы). Еще немножко рано, а впрочем, как вам угодно. Господа, не угодно ли в вагоны садиться?

Домна Пантелейновна. Ах, пустите меня вперед, господа! пустите, а то не поспею.

Обер-кондуктор. Пожалуйте направо, в последний вагон!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Уходят Домна Пантелеевна, за ней обер-кондуктор, Негина, Смельская и Великаторов,
за ними Дулебов и Бакин. Негина скоро возвращается.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мелузов, Негина, потом Великаторов и обер-кондуктор.

Негина. Ну, Петя, прощай! судьба моя решена.

Мелузов. Как? Что? Что ты?

Негина. Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

Мелузов. Чья же ты?

Негина. Ну, что тебе знать! Все равно тебе. Так надо, Петя. Я долго думала, мы обе с маменькой думали... Ты хороший человек, очень хороший! Все, что ты говорил, правда, все это правда; а нельзя... уж сколько я плакала, сколько себя банила... Ты этого не понимаешь. Вот видишь ты; уж всегда так, уж так заведено, уж ведь... ну... все так; что ж, вдруг я одна... это даже смешно.

Мелузов. Смешно? Неужели смешно?

Негина. Да, конечно. Все правда, все правда, что ты говорил, так и надо жить всем, так и надо... А если талант... если у меня впереди слава? Что ж мне, отказаться, а? А потом жалеть, убиваться всю жизнь... Если я родилась актрисой?...

Мелузов. Что ты, что ты, Саша! разве талант и разврат нераздельны?

Негина. Да нет, не разврат! Ах, какой ты! (Плачет.) Ты ничего не понимаешь... и не хочешь меня понять. Ведь я актриса; а ведь, по-твоему, нужно быть мне героиней какой-то. Да разве всякая женщина может быть героиней? Я актриса... Если бы я и вышла за тебя замуж, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену, хотя за маленькое жалованье, да только бы на сцене быть. Разве я могу без театра жить?

Мелузов. Это для меня новость, Саша.

Негина. Новость! Потому и новость, что ты до сих пор души моей не знал. Ты думал, что я могу быть героиней; а я не могу... да и не хочу. Что ж мне быть укором для других? Вы, мол, вот какие, а я вот какая... честная!... да другая, может быть, и не виновата совсем; мало ли какие обстоятельства, ты сам посуди: или родные... или там обманом каким... А я буду укорять? Да сохрани меня господи!

Мелузов. Саша, Саша, да разве честная жизнь укор для других? Честная жизнь – хороший пример для подражания.

Негина. Ну, вот видишь ты; значит, я глупа, значит, ничего не понимаю... А мы с маменькой так рассудили... мы поплакали, да и рассудили... А ты хочешь, чтоб я была героиней. Нет, уж мне куда же бороться... Какие мои силы! А все, что ты говорил, правда. Я никогда тебя не забуду.

Мелузов. Не забудешь? И за то спасибо!

Негина. Это были лучшие дни в моей жизни, уж у меня больше таких не будет. Прощай, милый!

Мелузов. Прощай, Саша!

Негина. Я как сбиралась, все плакала о тебе. На вот! (Достает из дорожной сумки волосы, завернутые в бумажку.) Я у себя отрезала полкосы для тебя. Возьми на память!

Мелузов (кладет в карман). Благодарю, Саша.

Негина. Если хочешь, я еще отрежу, хоть сейчас. (Достает из сумки ножницы.) На, отрежь сам!

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Мелузов. Не надо, не надо.

Великатор отворяет дверь.

Великатор. Александра Николавна, пожалуйте! Сейчас последний звонок.

Негина. Сейчас, сейчас! уйдите!

Великатор уходит.

Ну, прощай! только ты не сердись на меня! Не брани меня! Ну, прости меня! А то мне тяжело будет, у меня никакой радости не будет. Прости меня! Я на коленях буду умолять тебя.

Мелузов. Не надо, не надо. Живи, как хочешь, как умеешь! Я одного только желаю, чтоб ты была счастлива. Только сумей быть счастлива, Саша! Ты обо мне и об моих словах забудь; а хоть как-нибудь, уж по-своему, сумей найти себе счастье. Вот и все, и вопрос жизни решен для тебя.

Негина. Так ты не сердишься? Ну, вот и хорошо... ах, хорошо! Только послушай, Петя. Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузов. Что ты, Саша!

Негина. Нет, пожалуйста, не откажись. Я, как сестра... я, как сестра, Петя. Ну, доставь ты мне эту радость!... Как сестра... Чем же я тебе за все добро твое?...

Входитober-кондуктор.

Обер-кондуктор. Я за вами пришел. Пожалуйте садитесь; сейчас поезд отходит!

Негина (бросается на шею Мелузову). Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчик!
(Вырывается из объятий и бежит к двери.) Напиши, Петя, напиши! (Уходит; за ней обер-кондуктор.)

Мелузов смотрит в растворенную дверь. Звонок. Сыщен свисток кондуктора, потом свист машины, поезд трогается. Из другой залы выходят трагик и Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мелузов, трагик и Вася.

Трагик. Что ты сказал? Она уехала?

Вася. Да, брат, уехала наша Александра Николавна. Прощай! Только и видели.

Трагик. Ну что ж; мы с тобой будем плакать в одну урну и заочно пожелаем ей счастливого пути.

Входят Смельская, Дулебов и Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мелузов, трагик, Вася, Смельская, Дулебов и Бакин.

Бакин (хочет). Это бесподобно! Я ему кричу: «Выходите, а то вас увезут!» А он говорит: «Пусть увезут, я николько не обижусь. До свиданья, господа!»
Бесподобно! Значит, он их повез в свою усадьбу!

Смельская. Это очень заметно было; я сейчас догадалась. Разве Негина может ехать в семейном вагоне? Из каких доходов? Ей с маменькой место в третьем классе, прижаввшись в уголку.

Бакин. Так зачем же он врет, что провожает?

Смельская. Чтоб избежать разговоров; скажи он, что едет вместе с ними, сейчас бы

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru пошли насмешки, остроты; да вы первые бы начали. А он стыдится, что ли, или просто не любит таких разговоров, я уж не знаю. Он сделал очень умно.

Дулебов. Я вам говорил, что он человек умный.

Бакин. А мы-то желаем счастливого пути госпоже Негиной! Да чего уж счастливее. Ну, если б я знал это, я бы от души пожелал Великатору голову сломать. А ведь бывает же, князь, что иногда стрелочник пьян напьется... Вот теперь встречный поезд проходит; вдруг на разъезде трах!

Мелузов бросается к двери.

Что вы, куда вы? Спасать? Не поспеете. Да и не бойтесь! Такие люди, как Великатор, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят.

Мелузов останавливается.

Побеседуйте, молодой человек! Или вы, может быть, застрелиться торопитесь? Так я вам не помешаю, стреляйтесь, стреляйтесь! Ведь студенты при всяких неудачах стреляются.

Мелузов. Нет, я не застрелюсь.

Бакин. Пистолета не на что купить? Так я вам куплю на свой счет.

Мелузов. Покупайте для себя.

Бакин. Что же вы теперь, за какое дело приметесь? Опять учить?

Мелузов. Да. Что же больше делать? Это наше занятие, наша обязанность.

Бакин. И опять актрису?

Мелузов. Хоть бы и актрису.

Бакин. И опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихом себя считать?

Мелузов. Смейтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я вас обезоружу, я сам вместе с вами буду смеяться над собой. Ведь смешно, действительно смешно. Бедняк, на трудовые деньги выучился трудиться: ну и трудись! А он вздумал любить! Нет, этой роскоши нам не полагается.

Смельская. Ах, какой милый! (Посыпает рукой поцелуй.)

Мелузов. У нас, у горемык, у тружеников, есть свои радости, которых вы не знаете, которые вам недоступны. Дружеские беседы за стаканом чаю, за бутылкой пива о книжках, которых вы не читаете, о движении науки, которой вы не знаете, об успехах цивилизации, которыми вы не интересуетесь. Что ж нам еще! А я вторгся, так сказать, в чужое владение, в область беспечального пребывания, беззаботного времяпровождения, в сферу красивых, веселых женщин, в сферу шампанского, букетов, дорогих подарков. Ну, как же не смешно! Конечно, смешно.

Смельская. Ах, какой он милый!

Бакин. Вы не обидчивы; а я думал, что вы меня на дуэль вызовете.

Мелузов. Дуэль? Зачем? У нас с вами и так дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещают, а вы разворачиваете.

Трагик. Благородно! (Васе.) Спрашивай шампанского!

Мелузов. Вот и давайте бороться: вы свое дело делайте, а я буду свое. И посмотрим, кто скорее устанет. Вы скорее бросите свое занятие; в легкомыслии немного привлекательного; придет в солидный возраст, совесть зазрит. Бывают, конечно, и такие счастливые натуры, что до глубокой старости сохраняют способность с удивительной легкостью перелетать с цветка на цветок; но это исключения. Я же свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшать людей или малодушно погружусь в

Таланты и поклонники. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу.
(Надвигает шляпу и закутывается, пледом.)

Вася. Шампанского!

Трагик. Полдюжины!

1881

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография <http://dostoevskiyfyodor.ru/> сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!